

Борис Илизиров

Х А В Ó

Эссе

Владивосток
Дальнаука
2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6-466
И43

Илизиров Б.И.

И43 **ХАВО**. Эссе. – Владивосток: Дальнаука, 2019. – 148 с.
ISBN 978-5-905239-37-3

«Хаво» – первое опубликованное историко-художественное повествование автора о праведной жизни прародителей рода Илизировых – Хавы Манашировны и Хизгии Ягудаевича.

События, описываемые в эссе «Хаво», охватывают практически весь исторический пласт XX века в нашей стране.

В книге, словно параллельными шелковыми нитями, проходят две судьбоносные поездки героини эссе.

Первое ее путешествие было совершено в суровом 1942 году: 27-летняя молодая мать пятерых детей, с грудным ребенком на руках, добиралась на перекладных от родного ей города Дербента до военного гарнизона в городе Гори, где базировалась военная часть № 401 ее мужа.

Вторая ее поездка состоялась через 38 лет к своим внукам в Ленинград.

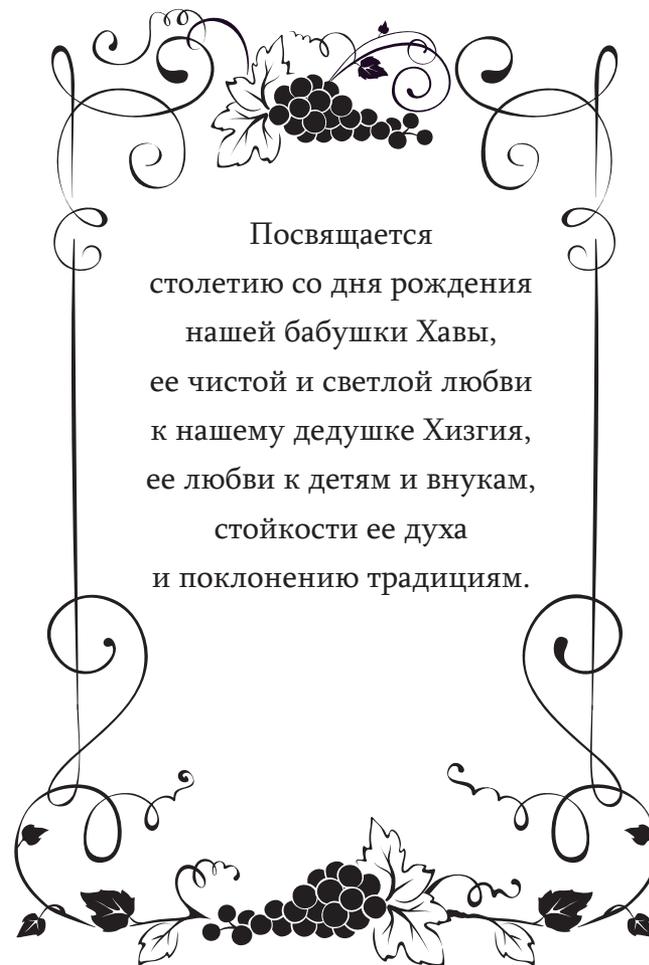
В книге тесно переплетаются духовные взаимосвязи трех поколений. В характерах героев повести, представителей одной из семей горско-еврейского народа, ярко выражены преданность народным традициям, святость духовных ценностей, фамильной чести и нравственного благородства.

Автор выражает искреннюю надежду на то, что книга, с Б-жьей помощью, вызовет интерес и, главное, любовь к родной земле и ближнему широкого круга молодых русскоязычных читателей – будущих учителей, родоведов, семейных психологов и воспитателей, чьи профессии соприкасаются с вопросами семейной психологии и домашнего воспитания.

Б-г в помощь!

ISBN 978-5-905239-37-3

© Илизиров Б.И., 2019
© Издательство Дальнаука, 2019

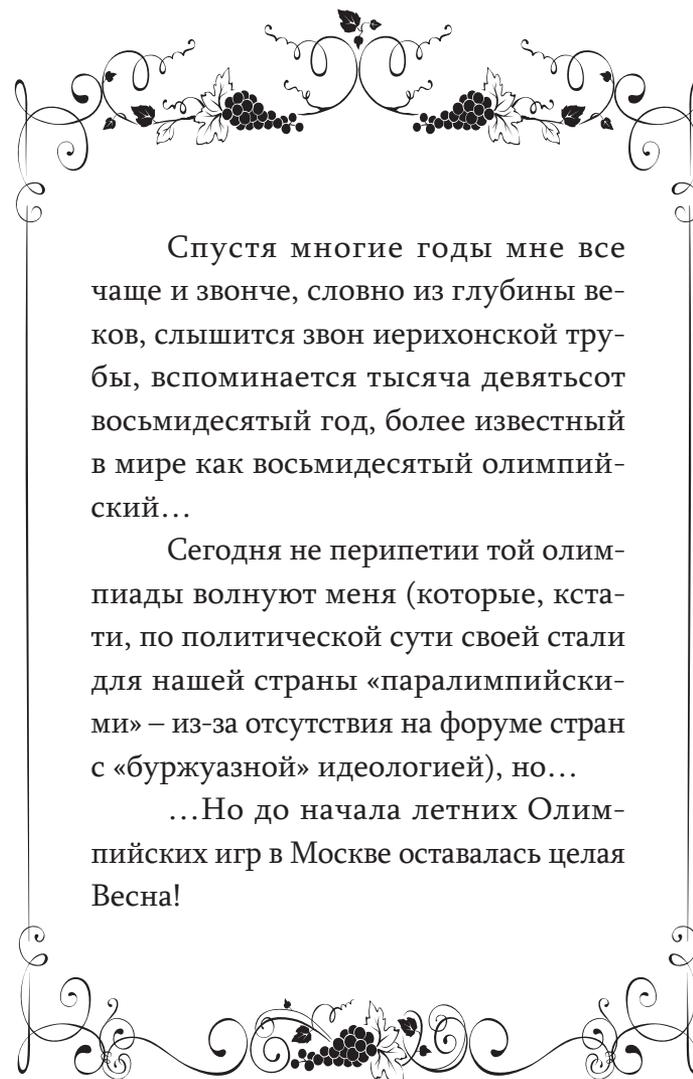
Я родился в 1956 году в Дербенте, в самом южном и древнем городе современной России, в традиционной горско-еврейской семье.

«Вечный город» у Каспия наполнит мое детство и юность сияющей энергией субтропического солнца; дыхание бескрайних виноградных полей и садов – ароматом молодой виноградной лозы и экзотических ягод; а окружающий меня мир – разноцветьем восточных национальных культур!..

А вскоре новым городом в моей судьбе станет величественный Ленинград! В городе Петра Великого мне посчастливится получить высшее образование, старательно приобщиться к европейской культуре и сделать свои первые литературные шаги!..

И теперь свободный Владивосток – открывающий миру мое сердце, словно живописную далекую бухту, на берегах Тихого океана!..

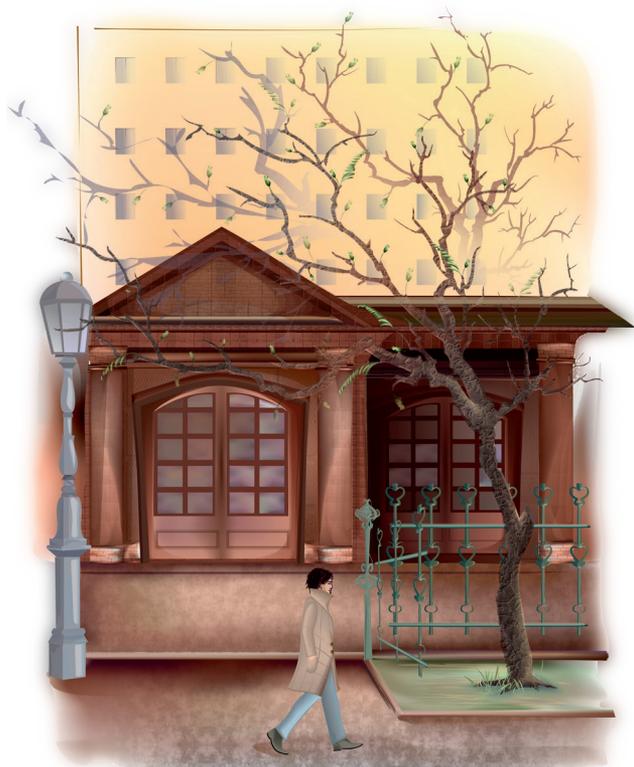
*С любовью к вам,
автор эссе «Хаво» Борис Илизинов*

Спустя многие годы мне все чаще и звонче, словно из глубины веков, слышится звон иерихонской трубы, вспоминается тысяча девятьсот восьмидесятый год, более известный в мире как восьмидесятый олимпийский...

Сегодня не перипетии той олимпиады волнуют меня (которые, кстати, по политической сути своей стали для нашей страны «паралимпийскими» – из-за отсутствия на форуме стран с «буржуазной» идеологией), но...

...Но до начала летних Олимпийских игр в Москве оставалась целая Весна!

«Однажды, глядя на расцветающую акацию в сквере Петра Первого, что на Петровской набережной, я увидел необыкновенную для себя картину, как в мерцающем рассвете утра... солнечные лучи марта пробивались сквозь первые капли весенней росы, таинственно проникая друг в друга, словно зарождая что-то новое, а волшебное свечение огней, казалось, заигрывало со мной, подавая загадочные знаки...?»

Первая часть

Весной 1980 года сознание наших людей было очаровано предвкушением Московской летней Олимпиады! Все вокруг говорило о предстоящем спортивном празднике: и первые солнечные лучи марта, старательно освещавшие уличные рекламные щиты, высвечивающие кремлевскую олимпийскую эмблему; и главный талисман игр – добрый улыбчивый медвежонок, глядевший на нас из

различных сувенирных лавок, расположенных, казалось бы, на каждой улочке старого Петербурга; и ревностные горожане, бесконечно обсуждавшие подготовку предстоящего спортивного праздника, находящиеся при этом в приподнятом, наполненном внутренней гордостью настроении. Тогда казалось, что эти Олимпийские игры могут стать в жизни наших соотечественников едва ли не основным событием, подобного которому, не дай Б-г¹, может больше и не быть. Несмотря на бойкот, объявленный западными державами, каждый советский человек – возможно, впервые – хотел почувствовать себя частицей грандиозного мирового социума, мысленно пересекая границы нашего аморфного сознания! Каждый мечтал, в том числе и я, стать живым свидетелем спортивного исторического события века и подняться если уж не на пьедестал почета как призер, то хотя бы в собственных глазах.

---

¹ Авторское проявление осторожности при упоминании Имени Всевышнего. В заповеди Моисея сказано: «Не произноси мое Имя попусту».

Весной восьмидесятого мне было двадцать три. Жил я тогда в Ленинграде, и к этому знаковому олимпийскому году прожил здесь около семи лет. Учился я на вечернем отделении в одном из ленинградских экономических вузов. Днем же работал администратором в знаменитом на весь город «Петровском». Первые два курса мне не очень нравилось учиться, уже тогда многие говорили, что я гуманитарий, но на третьем я вошел во вкус и занимался вполне достойно. Больше всего мне нравилась наша вузовская атмосфера – она заменяла мне все: в читальном зале я буквально жил, пропадая в нем часами; там я прочитывал все свои любимые газеты и журналы, особенно те, которые как студент не мог купить.

Нас в группе было четверо близких друзей. Несмотря на то что все мы происходили из «разных сословий» и различных географических точек страны, мы были очень дружны, хотя никто ни разу не слышал термина «толерантность». Встречаясь в институте после работы, мы обсуждали множество

музыкальных, спортивных и культурных событий. К тому времени мне, молодому человеку, приехавшему из древней, но все же провинции в культурную столицу, удалось побывать на некоторых знаковых тогда мероприятиях. В первый год своей ленинградской жизни я был на концерте «Поющих гитар», где вживую послушал «Синий-синий иней лег на провода». В том же году я открыл для себя «Зенит», болельщиком которого стал на всю жизнь. Чуть позже мне посчастливилось посмотреть в БДТ «Хануму», ставшую моим любимым спектаклем. Вот так, чередуя работу с учебой, Горьковский² с Кировским³ и не путая Гоголя с Гегелем, а наоборот, зачитываясь ими, я встретил олимпийскую весну 1980 года.

Происходили, правда, и другие знаковые события, которые, как мне виделось тогда, были связаны с местом моей работы.

² Так называли в Ленинграде Большой драматический театр им. М. Горького (ныне им. Г.А. Товстоногова).

³ Стадион им. С.М. Кирова в Ленинграде; в настоящее время не существует, на его месте строят новый стадион.

В доме № 4 на Петровской набережной, где я работал на одноименном предприятии, проживала часть ленинградского бомонда того времени. Здесь жили представители партийной, творческой и спортивной элиты города.

А что же им до меня – простого южного парня? Жили бы себе на здоровье, да и ладно! Ан нет! Стали случаться необычные для меня знакомства, которые я позже и отнес к знакомым событиям своей жизни.

Вначале, к своему величайшему удивлению и радости, я познакомился с Ильей Яковлевичем Рахлиным. Благословенна будет память о нем! Его, харизматичного создателя Ленинградского мюзик-холла, без преувеличения знал весь город! Мне же посчастливилось познакомиться с ним лично и на протяжении почти полугода чуть ли не ежедневно видеться с ним! Почитаемый и простой, Илья Рахлин частенько выходил на прогулку к Домику Петра Первого, где мы с ним и общались. В то время самой болезненной для него темой было освобождение осужденного молодого певца Сергея

Захарова. Как за него болело его сердце! Как он о нем говорил!

Более всего Захаров должен быть пожизненно благодарен И. Я. Рахлину за то, что великий маэстро добился своего и помог освободить того из мест не столь привлекательных по своему творческому и жизненному содержанию. Также особой благодарностью к Илье Яковлевичу должны проникнуться и многочисленные поклонницы обаятельного певца. Но истина, видит Б-г, в большем...

Заботливый, как отец, Илья Яковлевич не переставал повторять одну и ту же фразу: «Голос Захарова надо вернуть народу, иначе история нас не простит!»

«Амбициозный провинциал», я имел счастье часто видеть, а потом и познакомиться с великим артистом, а «по совместительству» болельщиком № 1 ФК «Зенит» Кириллом Юрьевичем Лавровым. Одну историю, связанную с ним, я запомнил навсегда.

Однажды в «моем кабинете» в Петровском он, увидев на стене картины, спросил: «Это ваши работы?» Мне стало не по себе

и очень досадно от того, что эти работы принадлежали не мне, а художнику нашего предприятия, даме, у которой также было рабочее место в «моем кабинете». Я ответил: «Нет, конечно». На что Лавров с удивлением возразил: «А почему “конечно”? Разве вы не можете быть творческим человеком?» Я только пожал плечами. До сих пор сожалею о том, что у меня не хватило решительности сказать великому артисту, что и у меня есть некоторые художественные зарисовки, но только в другом из видов искусств – литературе.

Нередко мне доводилось видеть и народного артиста СССР Евгения Алексеевича Лебедева. Мы здоровались с ним и «по-соседски» обмолвливались новостями во время его прогулок с маленькой собачкой во дворе знаменитого дома. Когда мы встречались взглядами, я почему-то читал в его вечно думающих глазах одну и ту же фразу из фильма моего детства: «Опять власть меняется?!»⁴ Дожить ему

⁴ Фраза героя Е. Лебедева из фильма «Свадьба в Малиновке».

до новых времен, к сожалению, не довелось: и один Б-г ведает, какую бы фразу он теперь произнес, глядя на отсутствие «всякой власти» в нынешней демократии...

Но самая трогательная история случилась со мной непосредственно перед открытием ОИ⁵ в Ленинграде, 18 июля вечером.

В нашем знаменитом доме на Петровской набережной проживала также и семья Михаила Дмитриевича Филонова, заместителя председателя Ленгорисполкома. За день до открытия ОИ на работе мне было дано задание выполнить продовольственный заказ для его матери. Вечером, когда я поднялся к Филоновым, чтобы передать продукты из стола заказов, меня встретил сам Михаил Дмитриевич! Он был одет в спортивный темно-синий костюм, выглядел молодцевато и держался абсолютно просто, как принято говорить, по-домашнему. Он пригласил меня на кухню, предложил чаю с сушками и после слов благодарности за нашу чуткость сказал, что сразу после ОИ уходит

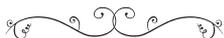
⁵Здесь и далее – Олимпийские игры.

в отпуск и они с супругой уезжают в круиз на теплоходе по Волге. В свою очередь, я поблагодарил его за знакомство и теплый прием и заверил, что на время их супружеского отпуска его маме будет уделено особое внимание. Он же пообещал, что по возвращении из круиза обязательно пригласит меня в гости.

На следующий день я со своим родственником Мишей (ныне Благодословенна будет память о нем), братом нашей невестки Леи, был на открытии ОИ на стадионе им. С.М. Кирова! Все было красочно и торжественно! Стадион был полон, и все ждали официального открытия игр в Ленинграде! И вдруг комментатор объявляет:

– Слово для торжественного открытия ОИ в Ленинграде предоставляется председателю оргкомитета по проведению ОИ в Ленинграде Михаилу Дмитриевичу Филонову!

Моему умилению и удивлению, очарованию и гордости не было границ: я в одночасье растворился в огромной, красочной и ни с чем не сравнимой чаше великолепного Кировского стадиона!

Когда я пришел в себя, то подумал только об одном – о скромности Михаила Дмитриевича, который днем ранее даже не обмолвился о предстоящей ему миссии!

И все же все эти знаковые события, несмотря даже на очень высокий уровень моих знакомств, не стали для меня, как выяснилось позже, главными событиями 80-го, олимпийского, года.

Да простят меня те, чьих родных уже нет среди нас...

* * *

Однажды, глядя на расцветающую акацию в сквере Петра Первого, что на Петровской набережной, я увидел необыкновенную для себя картину, как в мерцающем рассвете утра... солнечные лучи марта пробивались сквозь первые капли весенней росы, таинственно проникая друг в друга, словно зарождая что-то новое, а волшебное свечение огней, казалось, заигрывало со мной, подавая загадочные знаки...

В этот день, 3 марта 1980 года, я получил от мамы телеграмму: «Борик 7 марта поездом 22 вагон 17 встречай бабушку = Мама = ». Этому известию я был одновременно удивлен и обрадован. Как могла бабушка на это решиться?! Ведь расстояние между городом моего детства и Ленинградом составляло более трех тысяч километров! Однако какой же в мире студент не будет рад встрече с родной бабушкой?!

7 марта рано утром позвонила мама и напомнила, что поезд прибудет в 18.10, и просила не опаздывать на вокзал, потому что у бабушки «большой груз», и только после этого сообщила, какая именно из бабушек ко мне едет (слава Б-гу, их у меня две славных!), – бабушка Хава!

Вечером я встретил бабушку на Московском вокзале. Она была одета в свое любимое темно-синее в белый горошек платье и низкие темно-синие же туфли с маленькой кожаной бляшкой, на ее плечи был накинут серый платок. Попутчицы бабушки, – видимо, после долгого общения в дороге, – передали ее мне как редкую ценность! Бабушка мгновенно

умела завоевывать к себе уважение своим богатым видом и княжеской поступью: если окружающие этого не видели (или не хотели видеть), она открывала им на это глаза своими строгими замечаниями. В последнем я скоро убедился, когда ездил с ней в общественном транспорте.

Бабушка выглядела красиво, но была очень задумчива и, я бы сказал, даже таинственна. Лицо ее выражало мудрое, затаенное спокойствие.

После приветственных объятий, слов и поцелуев я поблагодарил пассажиров за Хаву Манашировну и стал выносить многочисленные сумки на перрон, где уже поджидал свой кусок хлеба грузчик с тележкой. Как и предупреждала меня мама, груз у бабушки и впрямь был большой!

Вскоре мы приехали ко мне в семейное общежитие на Ярославский проспект, 33, где я проживал в отдельной комнате с балконом – один!

Комната моя была уникальной по своей площади – 4,95 кв. м!⁶ Хотя жилье было казенным, но скрашивало мое эго тем, что все в нем находящееся было личным, приобретенным нами⁷ уже в Ленинграде, кроме бельевого темно-шоколадного шкафа, который стоял при входе в правом углу. Более всего комнату согревала мягкая мебель теплого соломенного цвета: раздвижной диван располагался за платяным шкафом, два мягких кресла – у противоположной стены. Между ними помещался популярный в ту пору у холостяков холодильник-бар «Ладога» цвета темной вишни. На нем стоял светло-ореховый проигрыватель «Аккорд» с двумя колонками по краям. Дополняли мой музыкальный уголок три ярких плаката из шведского журнала «Poster», они красовались вдоль левой стены, над баром: это были фотографии «Boney M», «Abba» и «Kiss».

⁶ Площадь комнаты была меньше санитарной нормы на одного человека.

⁷ В основном все вещи были взяты в кредит моим средним братом.

А украшала мое жилье чешская гитара цвета спелой вишни – гордость моих студенческих лет!.. И, наконец, журнальный столик: он стоял посередине комнаты, между диваном и баром-холодильником. Как и большинство журнальных столиков того времени, он также был темно-шоколадного цвета.

После того как я показал бабушке условия своего проживания в нашем двухэтажном трофейном доме, то гордо сказал ей:

– Бабушка, вот здесь я и живу!

– Увидела, сынок, – тихо прошептала она.

– Устраивайся, бабушка, и чувствуй себя как дома! – гостеприимно произнес я и в ожидании похвалы заискивающе спросил:

– Бабушка, как тебе мое жилье?

– У тебя, Борик, все чисто и аккуратно, – действительно похвалила она меня, – но это жилье, сынок, не твое! – строго оценила она тут же.

– Да, бабушка, я это знаю, но... – и неожиданно для себя я рассказал ей историю нашего дома:

– Ты знаешь, эдэй⁸, год назад, когда я переехал сюда жить, я узнал, что этот дом, оказывается, построили немецкие военнопленные. Вначале я, конечно, ужаснулся, но потом мне пришла в голову необычная мысль: может быть, этот дом строили немцы, которые были взяты в плен войсками 2-го Украинского фронта, где воевал и мой дедушка Хизгия? И эта мысль, бабушка, меня несколько утешила.

– Ты часто вспоминаешь дедушку Хизгию? – вдруг очень нежно спросила бабушка.

– Ты знаешь, эдэй, чем больше я живу один, в стороне от родных, тем чаще.

– Тех, кого любишь, всегда призываешь на помощь в трудную минуту! – уверенно сказала бабушка. – Если бы ты жил среди своих родных, многих вещей мог бы избежать. Основная причина твоей одинокой жизни – это твое желание жить в стороне от родительского дома.

После непродолжительной паузы она твердо продолжила:

---

⁸ Бабушка. (Здесь и далее перевод с горско-еврейского языка.)

– Одомирэ⁹... у человека может быть только одно жилье – это отцовский дом или же тот, который человек, став отцом, сам построил! Все остальное – это боло¹⁰! – жестко завершила бабушка.

– А если, бабушка, муж живет в доме жены, это тоже не его дом? – попытался подискутировать я.

– Может, для кого-то это и станет его вторым домом, но только не для наших детей, – почти философски рассудила она и продолжила: – Эри айлойму¹¹... для детей нашего рода, Илизиновых, жизнь вне родительского дома ущербна, потому как такая жизнь постоянно подъедает самолюбие благовоспитанного ребенка!.. Айлойму – ду разруй энуро – гушт хуштэрэ михуру эз уджирэ тэнгие коро. Мои дети, живя в столь стесненных обстоятельствах, изнутри съедают самих себя – занимаются самоедством! И это может длиться до тех пор,

⁹ У человека.

¹⁰ Безысходность.

¹¹ Для детей нашего рода.

пока выдерживает воля, а потом они сами уходят – в никуда!

Меня мгновенно поразила мысль: «Это же она будто бы о моей жизненной ситуации говорит!» И, не испугавшись ее строгости, я спросил:

– Бабушка, это же ты обо мне говоришь?

– Это, сынок, я говорю о том, что если бы ты привез свою жену в отцовский дом, то сегодня не оказался бы в казенном общежитии! Так что, сынок, казенным – не восторгайся, а чужим – не пользуйся! Или строй свое жилье, или же живи в отцовском доме! Иначе... – бабушка сделала паузу обреченности, – иначе безрадостной судьбы кочевника¹² будет сложно избежать!..

– А немцы... немцы пусть впредь больше строят мирных объектов на своей земле, чтобы потом не пребывать – в качестве пленников! – на Чужой Земле! – патриотично провозгласила она, а затем вежливо завершила:

¹² Бабушкины слова оказались истинно пророческими: за без году сорок лет моего проживания в северной столице я поменял – к своему ужасу! – более 30 адресов.

– А тебе, сынок, и так спасибо за твое желание гостеприимства!

Немного отдохнув с дороги, бабушка первым делом стала выставлять из многочисленных сумочек гостинцы, привезенные ею из дома. Это были и орешки – миндаль, грецкий и фундук, и любимые варенья – из инжира, сливы и кизила, и многообразная зелень, аккуратно завернутая в тонкую ткань, мясные консервы собственного приготовления и многое-многое другое!..

– Бабушка, – сказал я с сочувствием, – зачем ты все это везла за тысячи километров? Все это ведь можно и здесь купить!

Эти слова словно зажгли пламенем свечи бабушкину память. В одно мгновение, обратив свой взгляд в прошлое, она ответила мне воспоминанием о ее поистине исторической поездке – военной весной 1942 года.

– Когда, сынок, я добралась на перекладных до города Горц, – начала свой рассказ она, – и встретила с твоим дедушкой Хизгией, он так же, дураз руй ту, как и ты сейчас, спросил

меня: «Как же ты, Хавочка, все это несла на себе целых тысячу верст?» И, не дожидаясь моего ответа, продолжил: «Ну, хорошо, что дочку привезла мне показать! Огромное тебе спасибо, Хавочка! Но зачем продукты-то через весь Кавказ везла? Можно же было и здесь все купить и приготовить!»

– И что же ты ответила деду, бабушка? – спросил я ее.

– Хизгия, – сказала я ему, – все продукты и живую птицу я купила, – ты же знаешь где, – на нашем родном верхнем базаре; птицу, слава Б-гу, забила в синагоге, там же купила и освященную говядину. Мацу пекла твоя тетушка, ведь впереди – Нисону¹³, и многие родные хотели бы, чтоб ты испробовал чией нисонуи¹⁴, сделанные их руками! Даже вода, соль и специи при приготовлении мясных консервов и блюд были из родных мест, где ты питал свою душу и сердце! А здесь они еще сильнее укрепят твой дух и дадут новые силы твоему сердцу!

¹³ Праздник Пейсах.

¹⁴ Праздничные блюда.

*Гувот миду дьолтурэ!*¹⁵ И от этого ты будешь трижды *Шамшун!*¹⁶ «Спасибо тебе, моя родная! – ответил на это Хизгия. – Ты, как всегда, говоришь святые мысли». И, немного задумавшись, с грустью прибавил: «Но наш *Шамшун*, как ты знаешь, погиб... Тебе не страшно из-за этого?»

После долгого и печального раздумья я сказала твоему дедушке: «Бэбэймэ, шувэрмэ, джунмэ! Е худо танустэни рэхой адомирэ! Но... Э тэмизэ чией зен хуштэрово, – эз хорией бебей хуште Хошмомзели, – этэнгие дуллоой айлойту – э хунэ истие, ту, Хизгие, – парчое шувер мэ – ДУРАЗ РУЙТУ – о хунеш не омориге, Шамшунэ хуно, джун ту – эз тэмизэ чиеймэ, эз рачэ корой ту – темизтэ мибу! Эз темизий хуштэ джун ту амбартэи товуш миду эри рахой эз ту бирие аэлойту! Кошери – гувот худоини э дул адоми! Отец мой, муж мой, душа моя! Один Б-г видит путь воина! Но от чистоты блюд жены твоей, от благодатной земли

¹⁵ Дадут новые силы твоему сердцу.

¹⁶ Самсон, герой национального еврейского эпоса.

отца твоего Хошмомзели и от истосковавшихся душенок детей твоих, остающихся дома, ты, Хизгия, благородный муж мой, не дай Б-г, не вернувшись домой, как Шамшун, будешь дольше и ярче озарять своей Душой жизненные пути своих детей! Кошерность – это с ила Б-га в человеке!»

После этих слов твой дедушка обнял меня и произнес: «Ту мозол мэни, Хавочкэй мэ! Ты мое счастье, Хавочка моя!»

– Бабушка, – сказал я, – ты так интересно рассказываешь, раньше этого я не замечал: на тебя Ленинград так повлиял, ведь ты здесь раньше не бывала, хотя была во многих местах?

– Нет, родной мой, не твой город любимый так действует на меня: похоже, время пришло говорить, – загадочно ответила она. – Хотя твой дедушка *Хизгия до войны, в тридцать восьмом, учился здесь на семинарских курсах в Таврическом дворце, в ВПШ*¹⁷; там еще ему подарили – ты ведь знаешь – офицерский

¹⁷ Высшая партийная школа в СССР.

ремень того времени, он его привозил домой, а через три года уехал с ним на фронт.

– Бабушка, а какой был дед? Расскажи, пожалуйста, мне хочется слышать о нем из твоих уст, – попросил я.

– Дедушка твой, сынок, был Большой Человек, – с гордостью сказала она. – Он всегда стремился к знаниям – и не только к партийным! Хотя время тогда было непростое, дед твой все же придерживался религиозных традиций: по утрам, например, он сначала читал *Сидур*¹⁸, освящал нам новый день, а потом уходил на работу... в райком партии!.. На войну он ушел добровольно, но не по партийным соображениям!

– Как это так – не по партийным соображениям: он ведь был истинным коммунистом? – возразил я.

– Так-то это так, *аилмэ*¹⁹, но...

– Ты о чем-то молчишь, бабушка?

¹⁸ Основная книга молитв.

¹⁹ Сын мой; повелительная форма обращения людей старшего поколения к внукам и правнукам.

– Когда я была у него в гарнизоне, – продолжила бабушка, – в городе Сталина Гори, твой дедушка Хизгия сказал мне на прощание: «Если я не вернусь с войны, ты должна будешь этим гордиться перед нашими детьми! И знай, что в каждом поколении джууро²⁰, если этого требует Жизнь, кто-то должен жертвовать собою ради будущего детей, внуков, да и всего рода человеческого! И от этого их потомкам легче будет жить на земле: их некому будет упрекнуть! В моем поколении, – сказал с гордостью Хизгия, – Я ГОТОВ ОТДАТЬ СВОЮ ЖИЗНЬ! ПУСТЬ ЭТО БУДЕТ МОЕЙ ПЛАТОЙ ЗА БУДУЩЕЕ ДОСТОИНСТВО МОИХ ДЕТЕЙ!»

– Значит, дедушка во времена Сталина был больше религиозным человеком, чем партийным? – пытался понять я. – И жертвенность его была не коммунистическая, а религиозная?

– Да! – сказала она. – Он просто был больше евреем, чем коммунистом, и жертвенность

²⁰ Т. е. евреев.

ему дана была самим Б-гом, как *Авроому!*²¹ – поразила меня бабушка в самое сердце!

– Что я все о себе, *аилмэ?* Расскажи мне, как ты живешь. Что интересного в твоей жизни происходит? – завершив свой рассказ о бабушке, спросила она меня.

– Интересного... – сделав паузу, начал я, – действительно, в моей жизни происходит немало. Но об этом чуть позже. Давай, *эдей*, что-нибудь приготовим вдвоем, я так соскучился по нашим блюдам!

Уставшая с дороги бабушка после раннего ужина, который она съела более из приличия, чем по желанию, легла отдохнуть.

Так подходил к концу первый день пребывания моей бабушки в Ленинграде.

Ответить на бабушкин вопрос мне пришлось уже только на следующий день, но своеобразным образом.

– Бабушка! – обратился я к ней. – Ты спросила у меня о том, что в моей жизни про-

²¹ Т. е. *Аврааму* (зуун дербенди, дербентский диалект горско-евр. языка).

исходит интересного. А я хотел бы у тебя спросить: «Бабушка, почему все это “интересное” происходит именно со мной?»

– А что, собственно, произошло у тебя, *аилмэ?*

– Бабушка, скажи мне, пожалуйста, почему все так происходит? – наконец спросил я, набравшись смелости. – Я простой мальчик, пусть и приехавший из древнейшей, но все же провинции, а мне на моем жизненном пути постоянно встречаются большие знаменитости.

– И ты знакомишься с ними? – спросила бабушка.

– Да, и даже общаюсь! – с гордостью ответил я.

– И с кем же ты познакомился за эти годы в Ленинграде?

И я рассказал ей о тех знаменитых людях города на Неве, с кем мне довелось встретиться.

– Что ж, сынок, – выслушав меня с интересом, сказала бабушка. – *У джирэ коро, аилмэ, дузэ корои. Подобные вещи, сынок, имеют*

правильные объяснения. У джирэ коро, бебеймэ, – бахтавэрэ корои! И эти дела, отец мой, – благороднейшие дела!

– Эйчу эчини, эдей? Почему так, бабушка? – спросил я.

– КОРОЙ ЭН КЭЛЭБЭБЭОЙТУШ – РАЧО КОРООЙ БУ! ХУН ЭН ИМУШ – ТЭМИЗИ! ПОСТУПКИ ТВОИХ ПРЕДКОВ – ВЫСОКОГО ДОСТОИНСТВА! И КРОВЬ НАША – ТАКЖЕ БЛАГОРОДНА! – величественно объяснила она! – А ВСЕ, ЧТО ПРОИСХОДИТ С ТОБОЙ, ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ПРИТЯЖЕНИЕ КРОВЕЙ!

Мне же, признаться, лестно было думать, что причина всех этих знакомств кроется во мне самом, в чем-то личном – харизме, ауре, моей индивидуальной исключительности и еще в каком-либо ранее неведомом человечеству достоинстве, но, выслушав бабушку, я – при всем моем юношеском эгоизме – не только согласился с тем, что она сказала, но и признал ее безусловную чистоту мысли. И в мгновение,

сжав накрепко кулак, гордо воскликнул в сердцах: «Какая у меня мудрая бабушка!»

Один из ближайших дней пребывания бабушки Хавы в Ленинграде я посвятил ее знакомству с городом, которым так вдохновился еще сам дедушка Хизгия! Первым делом я решил ей показать место, где он учился на партийных курсах: это был Таврический дворец. Бабушка долго с грустью смотрела на величественное здание с шестью белыми колоннами под куполом, изредка переводя взгляд на аккуратно выложенную красную дорожку посреди изумрудной ковровой аллеи, словно выискивая следы шагов своего мужа; после чего ее взор устремлялся вверх дворца – ввысь!..

Второй достопримечательностью города, которую я показал бабушке, был сквер на Петровской набережной, где располагался Домик Петра Первого.

Осмотрев домик императора, огороженный чугунным кружевом, с аккуратно выстриженными насаждениями, бабушка невольно произнесла:

Ленинград, 1980 год. Мы с бабушкой Хавой у Таврического дворца. Здесь, в 1938 году, на семинарских курсах в Высшей партийной школе учился дедушка Хизгия.

– Вот видишь, Борик, даже у самого царя, имеющего дворцы, есть свой домик!

После этого я показал бабушке деревцо, где перед ее приездом видел необычную картину. Она пристально посмотрела на меня и сказала:

– Это, сынок, к переменам – в тебе и в твоей жизни!

– Самая большая перемена в моей жизни, бабушка, уже произошла, – ответил я ей на это и с радостью в сердце добавил: – Ты у меня в гостях!

В последующие дни наибольшее впечатление от города на бабушку произвели наши совместные поездки на общественном транспорте (ОТ). Она с особенным достойным уважением любопытством рассматривала архитектурные красоты города на Неве. Как и было положено ей по льготам, она усаживалась на первых рядах в ОТ, у окна, и независимым, отдаленным взглядом любовалась городом.

Однажды бабушка подняла со «своего места» очередного недостаточно воспитанного

школяра фразой: «Сынок, ты, наверное, весь город пешком обходил?» И, услышав от юноши гордое «Да!», иронично добавила: «Разреши, пожалуйста, мне, приезжей бабушке, хотя бы из окошка посмотреть на культурную столицу мира!» Таким образом, из окошка бабушка увидела и Невский проспект, и Дворцовую площадь, и, конечно же, Эрмитаж!..

Но мне ближе были наши редкие пешие прогулки по центру города.

Впервые прогуливаясь с бабушкой по Невскому проспекту, я с интересом наблюдал за тем, на что она больше всего обратит свое внимание. Я знал, что она бывала в таких крупных и красивых городах, как Одесса, Баку и Ростов, да и в столице нашей Родины Москве была не раз. И вот, после того как мы прошли мой любимый маршрут – от станции метро «Канал Грибоедова» с видом на Дом книги, мимо улицы Желябова с обзором Строгановского дворца и Мойки и далее до Дворцовой площади к Эрмитажу и обратно через Триумфальную

арку²² на Невский проспект и по Невскому до Гостинки²³ и Екатерининского садика с видами на Пушкинский театр и «Елисейский», я заметил, что бабушка на все эти архитектурные достопримечательности смотрит... сквозь идущих навстречу горожан.

Я спросил ее, помню:

– Эдей, ты как-то интересно смотришь на архитектурные ценности – через прохожих людей. Тебе что – не очень нравится город?

На что она ответила мне лаконично:

– Меня, сынок, больше впечатляют люди, живущие в этом городе, чем дома! Хотя они и красивее тех, что я раньше видела. Ты взгляни на эти бледные, меловые (хака хуно) лица матерей, идущих нам навстречу в толпе! На них застыло, как на памятниках войны, бессмертие жизни!

Чуть позже я спросил бабушку:

– А чем они отличаются от таких же людей, также переживших войну?

²² Арка Главного штаба.

²³ Универмаг «Гостиный двор».

– Я такого не встречала нигде! – восторженно сказала она. – Глядя на эти лица, чувствуешь, что их души соприкоснулись с самим Бессмертием... И теперь именно эти люди в этом городе представляют наивысшую ценность, а не что-либо другое...

Мне нечего было сказать бабушке, кроме того, что матери с «бледными лицами» – это блокадницы и что я их также узнаю в городе...

Суть же самой мысли бабушки о «застывшем бессмертии жизни» на лицах местных женщин (да простят нас мужчины блокадники!) праведническим образом подтвердилась позднее, во время другой нашей прогулки...

* * *

В одну из редких наших прогулок по центру я предложил бабушке заглянуть в наш центральный магазин «Диета», о котором я ей много рассказывал. Этот магазин располагался в угловом здании на пересечении двух проспектов – Невского и Литейного. Здесь я хотел выбрать для нее понравившиеся ей

диабетические продукты, чтобы потом купить их в качестве гостинцев.

Когда мы вошли в массивные темно-красные двери магазина, перед нами по обе стороны раскинулся торговый зал. За овальными окнами, вдоль Невского и Литейного проспектов, выстроились две большие очереди. Сам зал по всему периметру был огорожен закругленными стеклянными витринами на деревянной основе, в тон входных дверей. Особый колорит советскому «викторианскому» стилю в архитектуре зала придавали огромные круглые люстры из прозрачного стекла в виде больших «алмазных гроздьев», свисающих с высоких потолков.

Ярко выглядели и сами продавцы магазина. В основном это были розовощекие женщины средних лет с красными колпаками на голове и такого же тона фартуками поверх белых халатов. Они ловко обслуживали покупателей, легко ориентируясь в богатом ассортименте конфет. Это были и цветные мармеладные дольки в хрустальных вазочках

под стеклянными витринами отдела, и шоколадные конфеты с видами города на Неве, и множество цветных драже в жестяных баночках, а также конфеты в коробках, красочно выставленных по настенным прилавкам... Выбор был богатый! Но, прежде чем бабушка решила посмотреть ассортимент, она оценила саму атмосферу магазина и сказала:

– Ты знаешь, Борик, в центре Москвы, да и в Одессе тоже, где я недавно была, есть такие же старинные кондитерские магазины, но там... – и после паузы добавила, – как-то очень шумно, ну, как на нашем базаре. А здесь... – и, еще пристальней взглянув на людей в очереди, заявила: – Здесь все как-то аккуратно и тихо. Здесь... другие люди!..

Мы подошли к витринам и стали разглядывать диабетические изделия.

– Бабушка, – спросил я, – что тебе больше всего приглянулось?

– Вот эти мармеладные дольки! – сказала она. – И... эти шоколадные конфеты с видами Ленинграда, – проговорила она, показывая.

– Хорошо, бабушка, – ответил я и, посмотрев в сторону длинной очереди, добавил, – я обязательно куплю их тебе! А сейчас...

В этот момент некий гражданин из очереди, с любопытством смотревший в нашу сторону, произнес:

– Такая женщина, как Вы, может и без очереди сделать покупки.

– Это почему же?! – возмутилась одна молодая особа из очереди. – Моя бабушка тоже диабетик!

– Дело не в этом, – снова вступил в разговор мужчина и совершенно неожиданно выпалил:

– Вы посмотрите, как она похожа на королеву Елизавету Вторую!

Бабушка тотчас смутилась, но, разглядев в очереди несколько обескровленных лиц, о которых мы недавно говорили, сказала:

– Это каждая из вас – теперь! – должна чувствовать себя Королевой! – и, всматриваясь в уже узнаваемые блокадные лица, эмоционально проронила:

– И льготы, конечно, должны быть у вас королевские!.. И не только у вас, но и у всех ваших потомков! Навечно!

– Вот это да-а-а!.. – воскликнула одна из этих женщин! – Она и мыслит-то по-королевски!

– Давайте отнесемся к ней гостеприимно! – попросила вторая. – Мы ведь ленинградцы!

– А вот и сам принц, – снова вмешался в разговор гражданин. – Смотрите, как гордится!

– Благодарю Вас! – сказал я на это.

И, посмотрев как будто бы свысока на гражданина, я гордо заявил:

– Это Елизавета Вторая пусть гордится тем, что похожа на мою бабушку!

Стоявшие в очереди люди переглянулись в изумлении, а одна из них восторженно промолвила:

– Вот это да-а-а!.. Сразу видно, КАК ОН ЕЕ ЛЮБИТ!

Позже, когда мы вышли из магазина, я долго не мог прийти в себя, но все же спросил ее:

– Бабушка, а для чего нужны «вечные льготы потомкам»? И не оскорбятся ли другие – менее пострадавшие?..

На это она очень серьезно заявила мне:

– Джундой сог мундие одомиерэ эз гариш атош садани – гилом аниму уджирэ одомиерэ имбуруз гэрэки гюрдэ э гариш богой сибие! Душам людей, выживших в огненной бездне блокадного ада, мир обязан обеспечить социальный рай уже на этой земле!

– Не переходя в иной?.. – переспросил я.

– Они уже там были, сынок, – дураз руй ту²⁴, и не один раз...

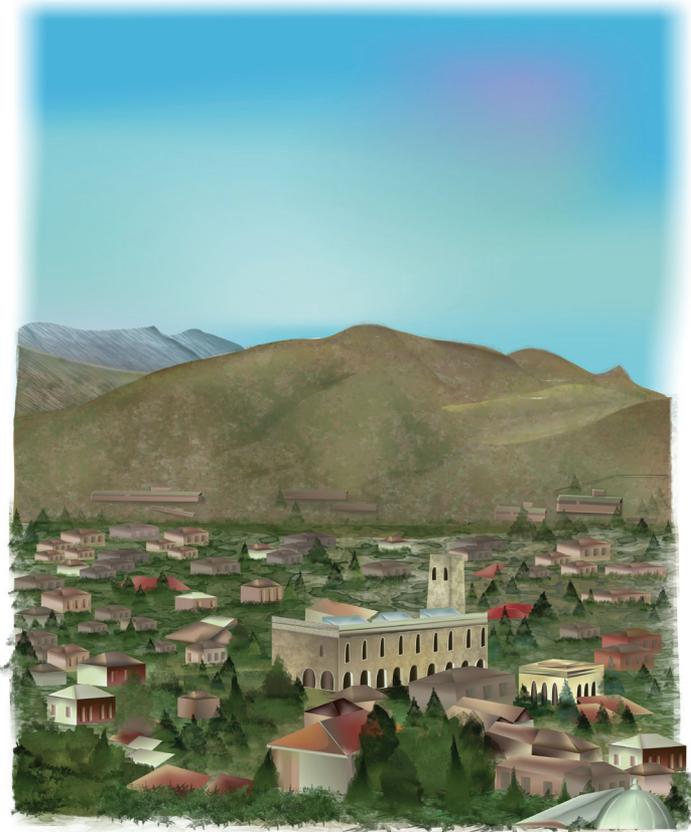
Я безмолвствовал.

– И вообще... Дух людей, победивших смерть, надо поддерживать вечно! Ради сохранения самой Жизни на Земле! – завершила свой ответ Хава Манашировна.

Это бабушкино откровение врезалось в мою юношескую память навсегда.

²⁴ Не в сравнение будет сказано.

– Когда, сынок, я добралась на перекладных до города Гори, – начала свой рассказ она, – и встретилась с твоим дедушкой Хизгией, он так же, дураз руй ту, как и ты сейчас, спросил меня: «Как же ты, Хавочка, все это несла на себе целых тысячу верст?»»

Вторая часть

В тот день, словно не принадлежа самому себе, я необычно быстро добрался домой. Бабушка уже ждала меня к ужину. Журнальный стол, теперь напоминавший мне высокий шилхон²⁵, был накрыт белой скатеркой, поверх которой на тарелке была аккуратно разложена традиционная зелень: петрушка, кресс-салат и зеленый лук.

²⁵ Низкий стол у иудеев.

Из горячего в этот день бабушка приготовила мне рулет с кошерной говядиной – одно из самых любимых блюд моего детства – хогешт²⁶.

Приятно поужинав, я помог убрать со стола. Бабушка в это время накрыла десертный стол, поставив большую вазу с фруктами и вазу поменьше – с орешками. Затем мы уже вместе подали чай с диабетическими сладостями для бабушки и янтарным инжирным вареньем для меня.

За чаем я невольно спросил:

– Бабушка, а помнишь лето шестьдесят девятого года, когда я еще жил у тебя на каникулах?

– Помню, конечно, – ответила бабушка. – А что именно тебя интересует, аилмэ?

– Меня все интересует, бабушка, – многозначительно сказал я. – Ведь я, кроме того, что тебя привезли трое статных, высоких мужчин из КГБ, мало что знаю.

²⁶ Рулет из вареной говядины, покрытый пассерованным луком и яйцом.

Я заметил, что она по-особенному расположена сегодня, и решил продолжить разговор.

– Помню еще, что у одного из них был фотоаппарат, которым он потом сфотографировал тебя, сидящую, облокотившись на подушечки, на кожаном диване. А у второго была в руке большая темная папка с бумагами, на которых ты и тетя Маруся позже расписались.

– Так оно и было, сынок, но это уже было окончание дела.

– А как все начиналось? – спросил я.

– А начиналось *все так*, – ответила бабушка, удобно располагаясь в мягком кресле. – В конце шестидесятых Москвой было заведено дело на бывшего прокурора нашей республики, полковника... Обычно прокурор являлся обвинителем, а тогда его самого обвиняли во взяточничестве. И, что самое интересное, взятки были не в особо крупных размерах, но зато приняты от большого количества людей! Прокурора обвиняли в том, что за шесть лет его правления на основании апелляций, поданных

родственниками, многим осужденным были сокращены сроки наказания.

– И что, бабушка, им могли вернуть старые сроки? – поинтересовался я.

– Нет, сынок. Москва направила в нашу республику следственную группу и, как любят повторять Илизир и твой дядя Гаврил, во главе с двумя следователями по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР.

При фразе о своих сыновьях, один из которых мой отец Илизир, на лице бабушки появилась улыбка.

– Да, я часто слышал это выражение от отца и дяди, – подтвердил я, улыбнувшись бабушке в ответ. – И что дальше-то было, бабушка?

– Дальше было безумие, *бирормэ!*²⁷ Два этих следователя по «особо важным делам» стали бездушно собирать «достаточное количество оснований» для задержания столь крупной государственной фигуры, – с иронией проговорила бабушка, всерьез разволновавшись, но продолжила:

²⁷ Брат мой – уважительное обращение к человеку, независимо от степени родства.

– И только со слов личного секретаря прокурора, якобы получавшей деньги и драгоценности от родственников осужденных, было опрошено и посажено за решетку около 300 человек!

Здесь я не удержался и пожалел свою бабушку:

– И ты, Хавочка Манашировна, попала в их число!

– Да, и меня посадили в тюрьму до якобы²⁸ выяснения особых обстоятельств!..

– Насколько я знаю, эти обстоятельства выяснялись только у моей бабушки ровно девять месяцев, – подытожил я.

– Так, мой мальчик, так! – с сожалением проговорила она.

– И это при том, бабушка, что у тебя сахарный диабет и ты вдова геройски погибшего фронтовика!

²⁸ Якобы на горско-евр. языке – ягни; это выражение стало нарицательным в нашем роду, как и многие другие, что мой отец и дядя Гаврил произносили с присущей только им обаятельной иронией.

– Об этом как раз и хотели сказать твой отец и дядя Гаврил – и не кому-нибудь, а самому Леониду Ильичу Брежневу!

– Но они же не попали к нему на прием, – уточнил я.

– Да, – сказала она и многозначительно добавила: – К царю попасть не так просто... Это только Истир²⁹ могла себе такое позволить, – с грустью в сердце улыбнулась бабушка.

В это мгновение она вспомнила о том счастливом времени, когда была молодой и вместе с Хизгией читала на Пурим историю о легендарной дочери Мордехая.

– Но сыновья мои, парчое аилой Хизгие³⁰, сделали главное: они донесли до кремлевских служб ту информацию, которую государству нельзя было оставлять без внимания, назвав ее государственной тайной!

²⁹ Т. е. Эстер, имевшая возможность говорить с персидским царем.

³⁰ Достоянные дети Хизгии. Слово «парчо» имеет несколько значений: царская ткань; министр; величественный; аристократический.

– Бабушка, я хочу от тебя услышать эту историю, – с подчеркнутым нетерпением спросил я ее.

И она продолжила свой рассказ.

– Когда мои сыновья наконец-то попали на прием в особый отдел Кремля, то на вопрос генерал-майора КГБ: «Какая у вас государственная тайна?» – твой отец Илизир и дядя Гаврил ответили: «Государственной тайной для спецслужб Кремля является то, что в тюремных застенках города N находится вдова сержанта Илизирова Хизгии, героического участника боев за освобождение Днепродзержинска, родного города самого Леонида Ильича Брежнева!»

– Это вызывает у нас всех дань уважения к его памяти, – произнес генерал-майор.

– А в чем суть государственной тайны? – спросил второй офицер, полковник по званию.

– Вся государственная тайна состоит из трех частей, – ответил твой дядя Гаврил. – О первой мы уже сообщили. Вторая ее часть – это то, что позорит честь мундира высшего офицера нашей страны.

– Что Вы имеете в виду? – уточнил полковник.

– Я имею в виду то обстоятельство, товарищ полковник, что двое следователей следственной группы при Генеральном прокуроре СССР, некие Топоров и Приматов, не имея никаких серьезных оснований, только что со слов личного секретаря прокурора, и особо не разбираясь в личностях, слепо арестовывают ни в чем не повинных людей и помещают их в следственный изолятор. Так же они обошлись и с нашей матерью – Илизировой Хавой Манашировной, вдовой, в трудное послевоенное время одной воспитавшей четверых детей, женщиной, тяжело болеющей сахарным диабетом!

– Мы сочувствуем вам, – вмешался генерал-майор. – И что же было третьей частью вашей государственной тайны? – уже с неподдельным любопытством спросил он.

– Если эта история с задержанием нашей матери, вдовы сержанта Илизирова Хизгии, нашего незабвенного отца, дойдет до враждебных

информационных агентств на Западе, репутация нашего строя, а в частности его идеология, неизбежно станет мишенью для их вражеских атак! – продолжил свою подготовленную мысль политически грамотный Гаврил Хизгияевич.

– Ну, а если, – вмешался в разговор Илизир, – во время многочисленных поездок нашего вождя по миру зарубежными журналистами будет задан вопрос об этой истории, как иногда это случается, – подчеркнул он, – то в этом случае, зная генерального секретаря нашей партии как человека большого гуманизма, может быть задета уже и его личная репутация! – добавил Илизир с таким искренним выражением в голосе, словно, говоря о репутации вождя, подразумевал свою собственную.

– Поберегите, пожалуйста, нашего генерального секретаря Леонида Ильича Брежнева от ненужных волнений и личных переживаний! – попытожил в своем духе Илизир, твой отец!

– Вам, конечно, особая благодарность за подобные слова, – сказал уже полковник

и сделал паузу, предлагая тем самым продолжить свою мысль братьям Илизириным. И Илизир, войдя в свойственный ему разговорный азарт, подхватил:

– Известно, что во все времена великие вожди народов искренне переживали за своих подданных, как хорошие отцы – за своих детей! А в нашем случае мы, семья Илизириных, дети и внуки Хизгии и Хавы Манашириной, заблаговременно беспокоимся за...

– ...репутацию генерального секретаря нашей партии, – перебил Илизира Хизгииевича полковник. – Вы это хотите сказать?

– Да, и не только за репутацию вождя нашей партии, но и за его здоровье! Я ведь тоже принадлежу нашей партии! – по-мальчишески сказал Илизир и успокоился.

– Да, это тот самый случай, когда верно подданный своему Отечеству род Илизириных верой и правдой продолжает добрые традиции своего отца – сержанта Илизирина Хизгии, в числе других воинов в 1943 году сохранившего родительский дом самого Леонида Ильича

Брежнева и жизнь его матери! – в патриотическом ключе завершил Гаврил Хизгииевич.

В это мгновение выдавшие виды сотрудники службы безопасности Кремля изумленно посмотрели друг другу в глаза, в которых невольно читалось: «Долг платежом красен!» Из всего сказанного братьями Илизириными единой нитью проходила только одна мысль: наш отец Хизгия Ягудаевич Илизир отдал свою жизнь за сохранение дома и семьи нашего нынешнего «отца народов» – Леонида Ильича Брежнева; теперь – черед самому вождю отдать – нет-нет, не жизнь! не дай Б-г! – но хотя бы распоряжение об освобождении и возвращении в такой же родительский дом теперь уже нашей матери!

Дальнейший разговор был недолгим: сотрудники Комитета государственной безопасности пообещали вмешаться в это дело и помочь Хаве Манашириной возвратиться к своим детям – в родной родительский Дом!

И слава Б-гу! – подумал я.

Во время короткой паузы бабушка предложила мне поесть орешков и поближе подвинула вазу. Машинально взяв в руку горсть очищенных орешков, я стал их неторопливо есть, продолжая размышлять об услышанном. Сама же бабушка поднялась из-за стола и подошла к окну: было заметно, что ей эти воспоминания даются нелегко, вместе с тем – в отличие от прошлых лет – делала она это осознанно, но с ощущением защемленного сердца...³¹

– Что это в конечном итоге дало, бабушка? – спросил я ее через некоторое время.

– Во-первых, – вернулась она к разговору, – этих двоих следователей отозвали в Москву. Во-вторых, в связи с моей болезнью мне были созданы новые, особые условия пребывания в изоляторе. И, в-третьих, что самое главное с точки зрения репутации нашего рода, я оказалась единственной из 300 человек, у кого не выбили признания в том, что я якобы давала взятку за кого-то!

³¹ С ощущением защемленного сердца (на горско-еврейском языке – тэнги).

– Теперь я больше понимаю, бабушка, почему летом 69-го года, когда тебя освободили из-под следствия и привезли домой, один из тех людей сказал: «Уважаемая Хава Манашировна! Мы ответственно Вам заявляем при Ваших родных, что Вы единственная из всех подозреваемых, не признанная виновной в даче взятки в известном теперь Вам деле! Вы сумели спасти честь не только своего родного человека, но и имя вашего отважного мужа, героически сражавшегося за Днепродзержинск!..» Он продолжал говорить тебе, бабушка, то, что больше всего было приятно слышать нам в такой ответственный момент твоей жизни!

– Все это время Вы вели себя столь достойно и даже мужественно, как может вести себя только вдова, так беззаветно любящая своего незабвенного мужа и его детей! Наше руководство и лично мы приносим Вам и Вашим родным свои извинения за причиненные неудобства!

И после произведенных необходимых протокольных подписей на бумагах они

пожелали тебе доброго здоровья и долгих лет жизни, а один из них, тот, кто с какой-то грустью смотрел на тебя, без протокола добавил:

– Хава Манашировна! На таких, как Вы, женщинах стоит мир, а мне, никогда не видевшему женщину, родившую меня, за честь было бы считать такую мать, как Вы, своею! Хотя бы условно...

* * *

– Так что же получается, бабушка, – закончив воспоминания 69-го, спросил я ее, – участие дедушки Хизгии в освобождении родного города Леонида Ильича Брежнева осенью 43-го помогло тебе более четверти века спустя самой получить освобождение?

– Так-то оно так, сынок, – ответила мне бабушка. – Да не совсем так...

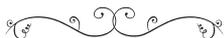
– Что же еще тогда?

– Дело в том, бирормэ, – глубоко задумавшись, счастливым голосом проговорила бабушка, – что мне самой очень повезло, –

и в мгновение, переменившись в голосе, грустно добавила: – Чего не скажешь о других... Среди нас есть немало людей, чьи отцы и деды также погибли на фронтах Великой Отечественной, в том числе и за освобождение Украины. Но, к сожалению, не все их дети и внуки в нужное время смогли проявить (по разным причинам) волю и любовь к памяти своих героических предков! Мне же повезло, сынок!.. И в этом – мое счастье!.. Ведь мои дети, как показала жизнь, стали достойными сыновьями своего отца! – уже с подчеркнутой гордостью сказала она.

– Ты гордишься ими, бабушка, – скорее утверждая, чем обращаясь с вопросом, проговорил я.

– Да, мне есть чем гордиться, но этого... – здесь она сделала паузу, а потом скромно проронила, – ... я не показываю другим. Я радуюсь этому тихо, в сердце своем, чтобы не оскорблять чувства тех людей, кому этого не удастся испытывать.

– Кадимие адомие³² должны радоваться именно так – тихо! – сделала свое мудрое наблюдение бабушка.

Эта ее мысль запала в мое сердце на всю жизнь.

И тут я совершенно неожиданно для себя спросил у нее:

– Бабушка, согласишься, что во всей этой истории особую роль все-таки сыграла служба безопасности Кремля?

– Не совсем так! – твердо ответила она. – Самым главным во всей этой истории, сынок, да и вообще во всей людской истории были всегда... любовь и воспитание, истоками которого также является это высокое чувство! Именно эта любовь ко мне, своей матери, и воспитание моих детей в любви и памяти к их отцу Хизгии многое решили! Но, для того чтобы все это свершилось, страдания и мольбы моих дочерей и внуков должны были дойти до Б-га, а добрые дела наших предков, в том

³² Благовоспитанные люди.

числе и твоего дедушки, невидимой, но неизменно существующей нитью соединить их с бесконечной Любовью Б-га! И только этот союз, а не иной помог преодолеть все существовавшие тогда барьеры и убедить службы безопасности Кремля обратить их внимание на судьбу твоей бабушки!

– И слава Б-гу, бабушка, что они обратили внимание на твою судьбу, – заключил я.

– Слава Б-гу, сынок, что Вс-вышний обратил внимание на судьбу твоей бабушки! – поправила меня она.

* * *

– Бабушка, у тебя такие драгоценные дети! Но почему ты так часто их ругаешь, особенно сыновей? Ты что их по-особенному любишь? Или, может быть, они когда-то провинились перед тобою? – позже поинтересовался я.

– Провиниться, Борик, может любой человек, но не это повод для строгого отношения к ребенку, – загадочно сказала бабушка.

– А что тогда? – переспросил я.

– Б-г строг к своим созданиям только ради их же блага! – ответила мне она. – Чтобы человек не распустился в своих желаниях и не погряз в своих удовольствиях! Так же и родители должны относиться к своим чадам, чтобы оградить их от дьявольского соблазна.

– А как же родительская любовь? – не успокаивался я.

– Свою любовь родитель может показать после хорошего поступка ребенка – ради его же воспитания. Но любить ребенка лучше всего в сердце своем! – сказала она.

– А если ребенок не поймет такого отношения к себе, оскорбится и будет в душе носить обиду, как тогда быть, бабушка?!

И тут она произнесла:

– Гаари, аилмэ, зобунэ кори: эз гаари аил э сэр бэбэйхуштэ – дул аил харэб бирэ, дураз туй ту, Борик! Сиб эз гаарий хюштэ эз дор зюндеи юрэ пуч бирэ э гариш хюштэ... Обида, сынок, плохой спутник жизни, а затаенная обида ребенка к отцу (как будто это она гово-

рила обо мне, заглядывая мне прямо в глаза!) может разрушить его душу изнутри! Яблоко из-за своей обиды на дерево, на котором оно растет, портится изнутри и может, не дай Б-г, низко упасть...

– Из-за того, бабушка, что единственным источником существования плода является ствол самого дерева, а обида, словно клапан, перекрывает этот жизненный канал, – пытался пофилософствовать я.

– Да, сынок, это так! Но проходит неотступное время, и даже самое обиженное сердце у ребенка смягчается, пробуждая в нем данное самим Б-гом Высокое Сыновнее Чувство!

– Дай Б-г, бабушка, – согласился я, – чтобы это происходило при жизни родителей!..

– Э кумэки худорово! С Божьей помощью! – обратилась к небесам бабушка.

Подходил к концу самый необыкновенный день из всех, которыми Б-г наделил нас с бабушкой во время ее приезда ко мне в Ленинград.

* * *

У бабушки было три заветных желания, которые подвигли ее сердце к поездке ко мне: повидаться с внуком, походить по тем улочкам, по которым ходил ее любимый муж Хизгия, и увидеть полтора года назад родившегося на свет правнука, чьим именем она очень дорожила³³. Когда два из трех ее желаний осуществились, она вежливо напомнила о третьем:

– Борик, мне скоро уезжать, и я хотела бы посмотреть на нашего Сережку.

– Я бы с радостью, бабушка, – неуверенно проговорил я, – но...

– Я вижу, сынок, что вы не живете вместе, – остановила меня она. – Но у вашего сына есть бабушки, да и прабабушки, слава Б-гу, тоже есть. И они также хотят поддерживать нашего ребенка!

– Я постараюсь, эдэй...

³³ Не в сравнение будет сказано, это имя трагически погибшего любимого внука Садыка (Цадыка), боль от этого не отпускала бабушку всю жизнь. По-русски его называли Сергей.

– Я думаю, Серезина мать не будет против, – убеждала меня бабушка. – Для нее, как и для любой другой матери, внимание к собственному сыну со стороны бабушек лишним не станет, да и для самого ребенка тоже. Особенно в будущем! Ты попроси, сынок, от моего имени и скажи, что я ради этого и поехала в такую длинную, долгую дорогу, – напутствовала меня она.

– Хорошо, бабушка, я так и скажу, – пообещал я.

Я сделал все так, как велела она, и мне удалось привезти нашего малыша на встречу со своей прабабушкой Хавой.

Она была очарована этим кудрявым красавцем с большими зелеными глазами и после общения с ним преподнесла ему подарки, привезенные с собой: среди них, как мне тогда показалось, выделялся один – ярко-оранжевый костюм-двойка с мозаично разбросанными цветными фигурками на нем. Но это еще было не все!..

Спустя многие годы я узнал, что во время той единственной встречи бабушки Хавы и моего сына Сережи, кроме детских вещей, которые были подарены ему, бабушка преподнесла его матери еще и драгоценное изделие, многие десятилетия являвшееся нашим родовым талисманом. И сделано это было втайне от меня! Я долго размышлял над этим бабушкиным поступком и далеко не сразу понял истинное его значение. Она тогда проявила высочайшую мудрость и показала всем значимость того, что мальчик этот очень дорог и нам, что он принадлежит также роду Илизириных!

Я много думал и над тем, почему бабушка сделала этот многозначительный, поистине исторический для нашего рода подарок сыну в мое отсутствие... Во-первых, чтобы я не ослаблял своего внимания к ребенку; во-вторых, чтобы мне избежать «искушения спекуляцией» при оказании материальной помощи сыну: мол, мои на всю жизнь его обеспечили; и, в-третьих, став взрослым парнем, в будущем сам ребенок получал «льготу» при

жизненном выборе: быть ли ему Илизириным или же...не дай Б-г...

На прощанье бабушка потрепала своему правнуку пышные светло-каштановые кудри, расцеловала его несколько раз и, положив руки на его плечи, сказала:

– Гюмюр ту уджирэ мозоллуи гэрдо, эз рачие аилмэ, дураз руйту, кэмтэ не гэрдо! Тозэ шорио овурдэни гэрдош, аилмэ, э милет иму! Пусть твоя жизнь станет более счастливой, чем жизнь моего ненаглядного внука, чье имя теперь ты носишь! – после чего, повернувшись ко мне, добавила:

– СЕРЕЖКЭЛЭЙМЭРЭ ЧУМОЙМЭ ДИРИ – ИМООЙ ЧУМОЙМЭ Э РАХОЙ ХУНЭ ДЭРИ! СЕРЕЖКУ УВИДЕЛИ МОИ ГЛАЗА – ТЕПЕРЬ МОЙ ВЗОР ОБРАЩЕН В ДОРОГУ, ВЕДУЩУЮ ДОМОЙ! МЭРЭ ДЭНИШИРИ НИСОНУ! МЕНЯ ЖДЕТ НИСОНУ!

***

В один из ближайших дней я заехал в магазин «Диета» и купил бабушке понравившиеся ей диабетические товары: разноцветные

мармеладные дольки, конфеты с полюбившейся ей символикой города на Неве, а также другие необходимые ей продукты на сахарозаменителе – все это я приготовил ей в дорогу.

* * *

Перед самым отъездом из Ленинграда бабушка Хава сказала мне очень трогательные и важные слова:

– Мне пора ехать, бирор, домой! – с грустью промолвила она. – Меня ждет тщательная подготовка к великому празднику Нисону! Надо навести порядок во дворе, побелить свое деревцо и быть готовой к Торжеству!

Я, помню, тихо спросил у нее:

– Бабушка! А что для тебя значит слово «нисону»?

На что она многозначительно ответила мне:

– Это не просто слово, сынок, это состояние души! Это путь каждого человека к внутренней чистоте!

И, словно говоря уже с небесами, продекламировала:

– Нисону – это весна! Нисону – это обновление! Нисону – эта дорога к единственной, объединяющей душе! Это – дорога к Б-гу!

– Бабушка, а ты сама чувствуешь себя счастливой? – вернул я ее к дальнейшему разговору.

– Да! – ответила она, – но особенно я ощущаю себя счастливой, когда вспоминаю, как в молодости твой дедушка Хизгия читал и рассказывал мне библейские истории, как мы праздновали Пурим и Нисону... Как мы были счастливы от общения между собой!

– Вы любили друг друга, бабушка? – стесняясь, спросил ее я.

– Я и сейчас тоскую по нему, – нежно ответила она.

23 марта, ровно за неделю до Нисону, я провожал бабушку домой. На прощанье я спросил у нее:

– Бабушка! Моя жизнь только начинается! Что бы ты мне посоветовала мудрого,

чтобы я лет так через тридцать мог бы сказать – дай Б-г! – уже своим внукам: «Эти истинные ценности жизни мне привили мои бабушки!»

И она – думаю я! – ответила за всех:

– Стремись к Истокам, сынок, будь ближе к Традициям своим и не сторонись Дома Отцовского! Всю свою жизнь строй от Семьи, потому как СЕМЬЯ – это узелок к Вечности! Кифлет эн одоми – русмуи эн иломи!

На перроне вокзала я крепко обнял бабушку, несколько раз поцеловал ее и сказал на прощанье слова благодарности:

– Спасибо тебе, бабушка, за то, что ты навестила меня!

– Спасибо моему Хизгии – за напутствия, которые он мне оставлял на прощанье, – загадочно обронила она, – а Вс-вышнему – за силы, которые он мне дал для их выполнения! Спасибо тебе, сынок, за все! – с глубокой грустью сказала она и вошла в вагон.

Я еще смотрел в полуоткрытое окно вагона, где между двумя белыми шторками видне-

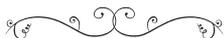
лось грустное лицо бабушки, как вдруг поезд оторвался от перрона и тронулся в путь; в этот миг я, словно теряя самообладание, побежал вслед за поездом и, роняя слезы на перрон, громко кричал ей вслед:

– Бабушка! Бабушка! Что ты мне хотела сказать? Бабушка... – и тут моя речь оборвалась, я услышал ее голос:

– Эз Марусэ митани, аилмэ. У Маруси узнаешь, сынок! – уже кричала мне в окно бабушка. – Чюш бистогэ, аилмэ... Что бы ни случилось, сынок...

Я, не видя и не слыша ничего вокруг, кроме бабушкиного лица и голоса, бежал вслед за ней до самого конца перрона, едва улавливая ее последние слова.

– ХУДО КУМЭК ГЭРДО ЭРИТУ, Бориклэймэ! – слышал я ее протяжный, улетающий в небеса голос. – Да поможет тебе Б-г, Борик мой! ТУРО КУМЭК ГЭРДО ЭРИШМУ, аиллоймэ!... – перебивая стук колес, долетали

до меня ее Благословения из уходящего вдаль поезда. – Да поможет Вам Тора, дети мои!

Через мгновение, словно вкопанный, я остановился на краю перрона и невольно продолжал смотреть, как поезд, уходя все дальше и дальше от меня, увозит мою бабушку в неизвестность... Еще один миг, и поезд превратится в синюю точку в дорожной дали...

Уходя с вокзала, я испытал редкую, противоречивую гамму чувств. От общения с бабушкой моя душа, словно чаша, наполнилась духовным богатством и семейной гордостью. Разум же, напротив, попал в состояние возвышенной опустошенности от исчезающего из моей эгоистической подсознательной субстанции ощущения ее постоянного присутствия рядом со мной, «бесценным» внуком.

Это парадоксальное состояние духа со временем нивелировало мое высокое внутреннее равновесие, что вызывало во мне тревогу

за потерю набранной высоты полета души! И я, желая нового подъема и вдохновения, успокаивал себя тем, что все у нас впереди, и мы не раз еще встретимся...

Дербент. Центр города. Улица Пушкина, 50. На противоположной от городской поликлиники стороне улицы – уникальный еврейский двор; здесь, кажется, вечно жила наша бабушка Хава!

Третья часть

Летом 1980-го года, во время студенческих каникул и моего отпуска, судьба распорядилась так, что я решил остаться в Ленинграде, чтобы стать живым свидетелем исторического спортивного события века – ОИ!

И только на следующий год, после удачной сессии, я вылетел на свою малую родину – в первых числах июля.

В аэропорту Каспийска, куда я прилетел около 17 часов

вечера, я взял частное такси, и вскоре наш земляк, набрав на спидометре под 140, полетел по трассе, оставляя по левую руку море, а по правую – зеленые горы Кавказа. Еще немного – и выступила гора со знаменитым профилем Александра Сергеевича³⁴. Еще чуть-чуть – и мы уже в Дербентском районе, крае бесчисленных виноградных плантаций! Это снится мне порою до сих пор!..

Возвращаясь в город своего детства, человек всегда с особым волнением ждет первых встреч со своими друзьями и родными. «Какие они сейчас? И какими они найдут тебя?» – будоражишь себя вопросами. Порой после долгой разлуки человек годами ждет этого первого взгляда и знакомого тембра в голосе, чтобы испытать первым глотком наслаждения накопившуюся тоску и утолить, словно пройдя пустыню, жажду вечного марафона жизни... Так и я каждый раз, приезжая в родные края, ждал теплых и романтических воспоминаний с друзьями и приятных встреч с родными!..

³⁴ Известный горный профиль А.С. Пушкина на Кавказе.

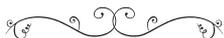
Когда я вошел в сад своего детства, который для всех нас (кто бывал в нем хоть раз) был не менее значимым, чем Эдемский, я был ошеломлен непривычной тишиной: во дворе никого не было, вокруг было мало света и... никакой жизни: ни вечной музыки брата, ни накрытых столов, ни единой души... Меня охватил холод непредсказуемости...

В это время из открытых дверей дома вышел во двор мой брат, Рафоил, без улыбки на лице. Он подошел ко мне со словами:

– С приездом, братишка! – Спасибо, бирорка!³⁵ – ответил я в оцепенении. – А где все? Где родители? Ты что один дома?

Недолго думая, брат забрал у меня мои вещи, отнес их в дом и, вернувшись, предложил до прихода родителей попить чайку, после чего прогуляться к морю. Мы так и сделали. За чаем он спросил меня, как я доехал, как учеба в институте и почему я никого не поставил в известность о своем приезде.

³⁵ На дербентском сленге – братишка.

– Я хотел порадовать вас сюрпризом, – ответил я.

– Сюрпризом, говоришь? Ну, хорошо, пошли ... – холодно и загадочно сказал он, вставая из-за стола во дворе.

Когда мы пришли на берег нашего детства, солдатский пляж, было уже сумрачно и достаточно прохладно: Каспий был синее обычного, и только мелкие барашки на волнах тихо бились о берег, издавая легкое шипенье...

– Боря! – сурово взглянув на меня, сказал брат. – Бабушка умерла.

И, не давая мне времени на размышления о том, какая бабушка и когда она умерла, проронил:

– Бабушка Хава... месяц назад.

В мгновение голова моя обезумела, ноги подкосились, и я стал падать на песок. Брат кинулся ко мне, ухватил за рукава, и я тихо лег на землю. Надо мной оказалась небо – в темно-синей бездне бесконечности...

Когда я пришел в себя, то тут же спросил, почему мне сразу не сообщили. Брат категорично ответил, кивая в мою сторону:

– Поэтому и не сообщили.

А потом добавил:

– Отец просил тебе не говорить, так как у тебя слабое сердце.

– Он, наверное, на Пушкина, 50? – спросил я.

– Да, – ответил брат, – и мать тоже. Завтра ведь чюли³⁶, и мы все пойдем туда.

– А сейчас – домой, ты ведь только с дороги.

Когда мы возвращались с берега моря, брат напомнил мне, что родители, по семейной традиции, должны прийти домой, тем самым он утешал меня. В эти минуты я больше всего хотел видеть отца, чтобы выразить ему свои соболезнования, и находиться, по возможности, рядом с ним, перед его глазами, чтобы поддерживать его. Я знал, что папа как сын, всю свою

---

³⁶ «Сороковины»; у иудеев – один календарный месяц после смерти человека.

жизнь тосковавший по безвозвратно ушедшему на фронт отцу, не меньше, а может, еще и более (но стеснительно скрывая это в своем сердце!) переживал за свою мать, испытавшую тяжелейшую судьбу вдовы.

Эту ночь мы провели с братом в воспоминаниях о наших родных и близких: с грустью рассматривали старые фотографии, с сожалением вспоминали щемящие истории об уже неисправимо нанесенных обидах бабушке, со страхом говорили о предстоящих нам встречах. И только под утро, так и не дождавшись родителей, уснули. Засыпая, я невольно увидел следующую картину завтрашнего дня.

Дербент. Центр города. Улица Пушкина, 50. На противоположной от городской поликлиники стороне улицы – уникальный еврейский двор; здесь, кажется, вечно жила наша бабушка Хава!

Мы подошли к небольшой входной двери, какие имеются в воротах во всех частных дворах на Востоке, и замерли от страха: что за ними?.. Будучи маленькими детьми, да

и постарше тоже, мы приходили сюда, в этот двор, в основном за праздником: навестить бабушку на ее зимней кухне³⁷; в любое время года – особенно после баньки!³⁸ – прийти с отцом к его матери и попить за одним столом с ней горячего чая с вареньем на любой вкус; послушать, как строгая (читай – кадимие!³⁹) бабушка, сидя на высокой тахте, как на троне, из глубины комнаты порицает своего сына Илизира, моего отца, за его мелкие прегрешения перед ее строгими религиозными представлениями... А как быть сейчас?.. Ведь уникальность этого двора заключалась еще и в том, что в нем проживали по всему его периметру около семи семей, и все они ближайšie наши родственники! Обычно, когда я входил в этот двор, по нему бегали босоногие детишки, слышен был шумный детский галдеж, и почти

³⁷ У бабушки была и летняя кухня – во дворе, под навесом.

³⁸ Баня находилась недалеко от ул. Пушкина, у парка Революции.

³⁹ Благовоспитанная.

в каждой семье на пороге сидела хозяйка дома. Это были невестки и дочери Сары и Зоовит – сестер бабушки Хавы⁴⁰. И только моя бабушка в последнее время жила одна под неустанной заботой своих дочерей – Хаи и Марии.

...И вот вдруг распахнулась дверь, и предо мной, словно из облака, предстала маленькая трехлетняя девочка, одетая в белое воздушное платьице и косыночку небесно-голубого цвета. Ее вьющиеся каштановые волосы ниспадали с обеих сторон волнистым каскадом и, словно божественное изделие Фаберже, обрамляли ее лицо. Глаза ее, как два миндальных орешка,

⁴⁰ Летом 1917 года, в начале июня, во время второй переправы посередине горной речки был убит «паромщиком» человек благородных кровей, родной брат местного раввина Манашир. На противоположном берегу реки стояли три его дочери, прильнувшие друг к другу, и пристально наблюдали за паромом. Услышав выстрел и последовавший за ним хлопок по воде, дети в едином порыве вскрикнули и замерли от одной только мысли... Как только паром стал отплывать в обратную сторону, девочки ринулись к воде и с распростертыми над рекой руками застыли – как статуя из трех роз. Это были три сестры – Сара, Зоовит и трехлетняя малышка Хава!

глядели на мир пристально-печальным взором... взглядом трехлетней малышки, в котором застыла первая необратимая печаль реального мира...

– Пойдем, мой мальчик, – по-ангельски промолвила она, – сегодня я покажу тебе мой родовой двор и дом, где прожила я век земной! Ты будешь только слышать меня и видеть, безмолвствуя при этом. Таким и будет предвечный сказ мой о Земле! Сейчас, прежде чем возвысится душа моя от этого двора, я расскажу тебе, мой мальчик, о своей земной обители. Взгляни, как этот двор напоминает нам известный всем ковчег⁴¹: в глубоком, но узком дворе по непрерывной линии его, словно нанизанное жемчугами ожерелье, расположены отдельные квартиры, так похожие на отсеки ковчега.

– Взгляни направо, мальчик мой, и ты увидишь первый «отсек» нашего родового ковчега! Это та самая квартирка, которая имеет вход и со стороны улицы нашей, и со стороны

⁴¹ Ноев ковчег.

самого двора. Здесь живет моя единственная невестка из Европы⁴²; жизнь показала, мой мальчик, что их беспредельная любознательность, граничащая со стремлением к бесконечному познанию и помноженная на глубину их изворотливости⁴³ и изобретательности, делает их в каждом поколении умнее других в любом деле, каким бы они ни увлеклись! И только этим они отличаются от других своих соплеменников⁴⁴, которые также являются детьми детей Праведного Якова! Я называла их, любя, Яшкиными прямыми родственниками, подчеркивая их превосходство над своими сородичами!

– Моя невестка из Европы выделялась не только интеллектом, но и европейской внешностью и привлекала к себе излишнее внимание со стороны мужского пола. С того времени,

⁴² Т. е. ашкенази, европейская еврейка.

⁴³ Т. е. стремление к лидерству во всем, выраженное в желании первородства у Якова, Праотца еврейского народа.

⁴⁴ Т. е., в частности, восточных евреев, к которым относятся горские евреи.

как она стала невесткой моего рода, я огораживала ее от бытовых столкновений с такими же, как и она сама, невестками и золовками, стараясь стереть различия между ними, чтобы поддержать эту юную, невольно демонстрирующую свое превосходство девушку. Учила ее готовить блюда нашей кухни⁴⁵, помогала, чем могла. Ее кровные родные жили в Белоруссии, и однажды, чтобы проучить своего ревнивого племянника, сына моей сестры, ее мужа, я спрятала ее на одну ночь в укромном месте⁴⁶, а весь двор заявил ему, что та уехала к своим; бедный муж терзал себя поисками своей сбежавшей жены весь вечер и ночь, обойдя, казалось бы, все отсеки нашего двора и города, но, нигде не найдя ее, пришел ко мне, непохожий на себя прежнего. «Амэ⁴⁷! – слезно заявил он. – Ты всегда нас ругала, но втайне

⁴⁵ Имеется в виду горско-еврейская кухня, внешне напоминающая восточную.

⁴⁶ Подробнее об этом см. в приложении рассказ «Укромное место».

⁴⁷ Тетя.

ты ее любила и жалела! Говори, куда дели мою жену!» После получения от него шавго⁴⁸, что он больше никогда не упрекнет нашу невестку ни в чем, я вернула ее племяннику.

– По соседству с ними, там, где мы сейчас и стоим, проживает семья дочери моей сестры⁴⁹, чей муж своей кажущейся простотой и большим ростом напоминает богатыря, первенца Яакова, Рувина. Дети их, твои братья и сестры, обладают открытостью своих сердец, эмоциональным уважением к родственникам и смиренным отношением к жизни; все это очень подкупает и придает этим твоим родным статус народного типа. Эти люди совершают подвиг – если доведется – Сердцем!

– Теперь, мой мальчик, перейдем к моему летнему навесу, который построил мне сам Хизгия!

Она взяла меня за руку, что ближе к сердцу, и я, покорно растворившись в ее воле, оказался перед знакомым мне летним навесом.

⁴⁸ Клятва.

⁴⁹ Семья дочери Зоовит, родной сестры Хавы.

– Сейчас, мой мальчик, здесь восседают мужчины в головных уборах, отдавая дань нашим традициям; во главе стола сидит почтенный раби, что с седой бородой, и, имея достаточное для прочтения поминальной молитвы количество мужчин – даамэрд⁵⁰, благоговейно ее читает. Те только послушно отвечают ему: «Омин».

– Посмотри, среди них мои дети: мой сын Гаврил и твой отец Илизир; рядом с ними мои внуки, дети их. Теперь и ты здесь! Среди них дети моих сестер – мои племянники, братья моих сыновей. Хорошо, когда все они вместе, – и им легче, и мне, как матери, спокойней.

– Основой этого навеса, своеобразным родовым символом, явилось древнее тутовое дерево, рядом с которым когда-то и был построен наш дом; но – под тяжестью политической стихии страшных тридцать седьмых годов – обрушенное до массивного ствола⁵¹.

⁵⁰ Миньян, десять мужчин, необходимый кворум для чтения кадиша (поминальной молитвы).

⁵¹ Как у основания Стены Плача – Иерусалимского храма.

Однажды естественное желание Хизгии, человека Востока, наслаждаться общением и прохладой под зеленой кроной белой шелковицы взяло верх. В трех шагах от дома он застолбил два бревна, укрепил их четырьмя досками с основной крышей и обшил сверху настилом. Между столбами высотой в пояс взрослого человека он положил кирпичную перегородку, которую три раза в году вместе со стволом родового дерева (естественно, сохраненным!) я покрывала побелкой: весной, перед праздником Нисону; осенью, в наш Новый год; и (впервые по просьбе Хизгии) в начале лета, перед самым днем моего рождения⁵². Так был построен наш летний навес. Под ним, вплотную к перегородке, Хизгия смастерил длинный высокий стол, расставил вокруг него стулья с высокими округлыми спинками, к которым позже я сшила специальные подушки. С ранней весны мы застилали стол белой скатертью с оборками, накрывали его чайным сервизом со

⁵² День рождения бабушки совпадает с днем Дарования Торы!

сладостями и весь солнечный год проводили за ним время.

– Так Хизгия смастерил этот навес, сохранив ствол разрушенного дерева, проникающий сквозь крышу навеса и выступающий над ней, словно богатырь: восполняя недостающий природе божественный уголок, он невольно создал для нашего рода свою Стену Плача⁵³. Тогда, под полуденной прохладой лета, мы часто сидели здесь за играющим в грушевидных стаканчиках⁵⁴ янтарным чаем, наслаждаясь духовным общением. Хизгия часто рассказывал мне истории из городской жизни. Но более всего я любила слушать его личные толкования Торы. Они завораживали меня!..

⁵³ Подобно разрушенной Стене Плача, это обрушенное родовое дерево, более не растущее вверх, но прорастающее своими корнями вглубь, словно готовит духовную память для будущих поколений, которые обязательно взрастят, с Б-жьей помощью, Новое Дерево рода! По весне маленькие зеленые листья, повсюду прорастающие на кронах старого дерева, говорят и о его физической жизнеспособности.

⁵⁴ Армудэ – чайные стаканчики, по форме напоминающие грушу.

– Взгляни, мой мальчик, напротив летнего навеса, где только что мужчины читали кадиш⁵⁵, находится моя зимняя кухня. Когда-то ее по настоянию моего сына Гавриила построил из нашего желтого ракушечника добрейший строитель Гильод, ставший впоследствии поистине народным эпосом⁵⁶. Сейчас на этой кухне самые родные мне люди готовят и подают поминальную трапезу. Вот, посмотри, это мои дочери Хая и Маруся, твои тети; а это мои невестки, жены моих сыновей, Вера и Руспо, твоя мама. А вот мои внучки. А помогают им мои племянницы, дочери моих сестер, и жены моих племянников, невестки нашего рода. Все – вместе. И так дружно надо жить всегда.

– Дочерьми моего рода, мой мальчик, я всегда гордилась, – тихо промолвила она. – Пойдем, мой мальчик, далее, по ожерелью, в глубь двора. Здесь живут сыновья моей старшей сестры Сары со своими семьями.

⁵⁵ Кадиш – поминальная молитва.

⁵⁶ Подробнее об этом см. в приложении рассказ «Эпос».

Они самые простые джууро⁵⁷, и из-за рода их деятельности их называют «колхозниками»⁵⁸: сколько из-за этой несправедливости за них болела душа. Слушай, мой мальчик, и помни: «колхозники» – это слово земное, а если земное, значит, истинное. Мы ведь не только народ Книги, но и народ земли, а вернее земледелия, созданного также и для выращивания Б-жьей ягоды – винограда – и приготовления из нее вина, которым освящают и благословляют все заповеди, указанные в Главной Книге человека. И миссия этих простых, но настоящих людей ничуть не меньше миссии тех, кто, овладев этими богатыми знаниями, не рассеивает их, словно сеятель, на ниву реальной жизни. У людей существует снисходительное мнение о значении слова «колхозник», то есть о Человеке Труда... Якобы это люди, не способные на большее. Но есть и противоположное мнение – это Мнение Самого Вс-вышнего: у каждого

⁵⁷ Евреи.

⁵⁸ Горские евреи Дербента традиционно трудятся в хозяйствах, где исключительно выращивают виноград.

своя миссия на Земле – главное, ее найти и по Совести исполнять. И спорить с Этим Мнением по меньшей мере не умно, а точнее – глупо и, что страшнее, безбожно.

– Мне всегда было легко с ними. После тяжелых жизненных испытаний я нередко приходила к своей старшей сестре Саре (для кого-то и простой на первый взгляд), которая всегда в окружении своих невесток эмоционально выслушивала меня, вбирая в свое иссохшее тело всю мою боль. Она, как и все истинно мудрые люди, была открытой и умела искренне сопереживать, оттого и казалась всем «простой»... Когда мне было очень тяжело, я взывала к своей старшей сестре, как к матери. И это помогало.

– Сейчас, мой мальчик, мы подойдем к единственному двухэтажному строению в нашем уютном дворе. Смотри, как на наружной стене этого дома выстроена витиеватая деревянная лестница, внешне напоминающая лестницу в небо, а сам дом – из-за сужения при строительстве верхних этажей – Вавилонскую

башню. В этом доме живет моя самая горделивая и завистливая родственница со своим мужем, моим старшим племянником. Скажу тебе одному теперь, мой мальчик: мне не хватило целой жизни, чтобы навести мосты дружбы между нашими семьями, хотя они мои единственные и самые близкие соседи; именно с их домом граничит мой. И в этом парадоксе жизни – и моя неразгаданная печаль...

– А вот, сынок мой, и наш дом... Пойдем, родной мой, и я в последний раз покажу тебе его... еще я здесь... на этой Земле... Вступай!

И вместе с ней мы оказались в доме.

– Эта полностью остекленная веранда, куда мы только что с тобой вошли, служила мне видом на Восток. Здесь у меня находился телефон, и вечерами, сидя у большого окна, я говорила по нему, наблюдая за звездным небом... Сейчас мы войдем в большой зал. Смотри, сынок, здесь все осталось, как ты помнишь: от входа налево, у северной стены, – черный кожаный диван; напротив, на белом

холодильнике «Москва», – хрустальные часы невесты (саат арюси), еще несколько минут они будут отбивать мой земной путь... Направо, недалеко от окна, – камин из белой плитки, гордость моего сына Гаврила, всю мою жизнь после Хизгии согревавший мой быт...

– Только сегодня посреди знакомой тебе бабушкиной идиллии сидят в едином круге на полу⁵⁹ женщины в темных одеяниях и поминуют меня... Вот мои сестры родные, с ними я прожила всю жизнь в мире и взаимной поддержке. Рядом с ними подружки мои и соседки, оплакивающие меня⁶⁰. И вот подруга моей юности Мерджо, ставшая мне потом свахой, мать моей невестки, твоя вторая бабушка. В трудные времена моей жизни она заменяла меня моему сыну Илизиру, зятю своему, твоему отцу⁶¹.

⁵⁹ Эсэр нимдэр эзэвэр сумог – дословно: на тонких полуматрасах поверх ковра.

⁶⁰ Плакальщицы – на Востоке.

⁶¹ В данном случае она говорила своему внуку о том периоде своей жизни, очевидцем которого он был, о 1969 годе, когда в течение 9 месяцев она находилась под следствием, а в конце года потеряла любимого внука.

– Слушай... Сейчас эти женщины оплакивают самых дорогих мне людей – моего Хизгию, нашедшего свой Эдем в тени прохлады шелковичного сада у реки Ташенак⁶², и ненаглядного моего внука, стоящего рядом с ним на едином памятнике...⁶³ Они плачут по ним, руками ударяя себя в грудь, орошая мою иссохшую, как землю до трещин, душу вместе с моими горькими слезами...

– А сейчас, сын мой, мы перейдем в комнату, являющуюся для меня святая святых нашего дома. По пути к ней мы пройдем сквозь мою спальню; здесь с 41-го года не расстилалась супружеская кровать... И мы про-

⁶² Т. е. в Украине, в Мелитопольском районе Запорожской области. При освобождении деревни Данило-Ивановка, что расположена между двумя дорогами на Восток, находятся бескрайние тутовые поля, называемые в тех местах шелковицей, – там и погиб Хизгия, уйдя в родную ему тенистую прохладу Вечности...

⁶³ В Дербенте, как и во всем мире, существует традиция, по которой близкие родственники погибших во время ВОВ воинов устанавливают фотографии, не дай Б-г, на едином памятнике с человеком, ушедшим в мир иной позже.

ходим в самую таинственную комнату дома. Тут расположен резной темно-красный буфет с большим зеркалом в верхней центральной части; под ним, внизу, – шкаф с двумя дверцами, представляющийся мне Ковчегом Завета. Ровно пятьдесят пять лет назад, в 26-м году, в правую половину «ковчега» были помещены моим молодым супругом его святые книги – Тора, Сидур и Псалмы. В левую же его часть однажды были уложены мною 26 листов нунисонуи, мацы, бережно покрытые белой тканью. И с той поры на протяжении всей моей жизни они были там, постоянно обновляясь, в непрерывности. Они, слава Вс-вышнему, и сейчас там есть... Часто, когда я уходила на рынок за продуктами, ты, будучи с малого детства любознательным мальчишкой, вкрадчиво и с замиранием сердечка своего приходил к этому буфету, открывал его дверцы и трепетно трогал священные книги, в очередной раз стараясь прикоснуться к чему-то таинственному, возвышенному и божественному. Перед тем как закрыть «ковчег», ты брал

немного хлеба пасхального и ел, стараясь не крошить... Всем, что есть во мне истинного, я обязана этим книгам и тому, кто привел меня к ним. И я верю, что в скором будущем и весь мир будет признателен им, и ты будешь среди них.

– Мгновения моего присутствия на Земле истекают, и я, покидая этот мир, отталкиваюсь душой от моего «ковчега завета», как от единственно праведной основы моей жизни. И это дает мне право верить, что и я попаду в шелковичные сады Эдема...

В этот миг, словно из облака, расправились ангельские крылья девочки, и крохотная малышка стала подниматься ввысь. Облик ее стал сливаться с эфемерностью бытия, и меня охватил ледяной ужас вечного расставания с моей родимой бабушкой: вмиг я бросил ей вслед последнюю фразу:

– Бабушка! Бабушка! Ты же мне не сказала главного!.. Бабушка ... Бабушка...

На этот раз она безмолвствовала...

Блик растворился в грядущем космосе...

– Борик! Борик! – слышу я знакомый голос сквозь сон. – Ты где, мой родной? Воеймэ, проснись! Это твоя амэшка говорит! Проснись, мы уже дома. Нам твой друг сказал, что...

Я приоткрыл глаза и увидел над собой тетю Марусю, отца и мать...

* * *

Я тут же встал с пола⁶⁴ и потянулся к отцу. Я крепко обнял его, склонил свою голову на его плечо, что над сердцем, и говорил порывисто, сквозь бегущие слезы:

– Папа, прими мои соболезнования... Ты у нас сильный человек, и ты нам очень нужен, – и, еще крепче обняв отца, я показал, как нужен. – Дай Б-г тебе сил, папа, все это перенести...

– Мундогоро Сог Гэрдоз и Гилом... Попросил долгой жизни у небес, – с обескровленным от горя лицом произнес отец, – для продолжающих жить на этой Земле своих родных.

⁶⁴ Ранее, под утро, я уснул на ковре, не укладываясь спать, в верхней одежде.

– Эй, Худо! Джюной Аилой Хаво Сог Гердо! О Бог мой! Да сохранишь Ты души Хавиных детей! – сказала тетя, рыдая, и я, отпустив отца, подошел к ней.

– Тетя Маруся, амэшка моя, не надо так плакать, – утешал я ее.

Мы обнялись и вместе зарыдали...

– Благословенна будет память о ней! – проговорил я, переставая реветь. – Бабушка тебе очень благодарна была, дураз руй ту⁶⁵, амэшка, за то, что ты всегда рядом с ней была и берегла ее... Ты у нас очень хорошая, тетушка Маруся. Береги теперь себя, – сказал я и подошел к своей матери.

– Дедейту э хов ту оморэбу, Борик, – сказала уверенно моя мать, вероятно, ранее услышавшая мои возгласы во сне и обладавшая к тому же даром провидения. – Бабушка твоя во сне тебе виделась, сын мой?

– Да, – ответил я, – но об этом потом. Это был не сон. Я присутствовал на чюли⁶⁶.

⁶⁵ Не в сравнение будет сказано.

⁶⁶ См. прим. 35.

– От этой трагической вести, сынок, ты, не дай Б-г, заболел, – предположила тетя Маруся. Но потом, будто впервые решившись, произнесла: – Когда бабушка получила извещение о гибели Хизгии, твоего дедушки, она так же, не в сравнение сказано будет, видела его до возвышения его души...

– Это от большой любви друг к другу, – неожиданно произнес я, а потом спросил: – А что сказала тебе бабушка по секрету об их прощальной встрече в Гори?

И я дословно воспроизвел последние ее слова, услышанные на перроне вокзала в Ленинграде:

– Эз Марусэ митани. У Маруси узнаешь.

Тетя, обезоруженная моим вопросом и сникшая от горя, открылась:

– В своем прощальном разговоре с бабушкой в Гори твой дедушка Хизгия сказал ей такие слова: «Хава! Если я не вернусь с войны и меня не станет рядом с тобой, то ищи частичку моей души, духовное родство и суть мою в моих детях, внуках и, дай Б-г,

в правнуках и передавай им нашу ЛЮБОВЬ без остатка! Особенно тем, – напутствовал он ее, – кто больше всего в этом нуждается». И в конце он пророчествовал: «Я же без остатка отдам свое Сердце за Землю, которая меня родила, а ты не жалея своей Души для ее обитателей!..»

Здесь в разговор вмешался мой отец, и тетя Маруся с гордостью в глазах за своих родителей уступила брату слово:

– Глядя на тебя, сынок, бабушка твоя находила утешение. Ведь в тебе она видела лучшее от любимых ею людей: заботливость своего отца Манашира, набожность и богобоязненность своего мужа Хизгии и, не в сравнение будет сказано, элементы благородства и даже аристократизма ненаглядного внука Садыка. И в других родных людях она также искала своего Хизгию и свое утешение... и помогала им, как могла... Ангелам это ни к чему...⁶⁷ – завершил отец.

⁶⁷ Отец, судя по всему, имел в виду, что ангелы не нуждаются в утешении.

В это время мама подошла ко мне близко, обняла меня своими сухими, вынянчившими нас руками и сказала:

– Джун Хаво сэкит гэрдо кадимие зе бу, хюсурмэ! Да возвысится душа этой праведной женщины Хавы, свекрови моей! А тебе, Борик, пусть твоя бабушка снится теперь только в сладких снах (Э ширинэ ховойту э пушойту биево Хаво) и помогает тебе своей строгой мудростью и любовью к ближнему!

– Омин! – произнесли все и взялись повосточному мудро отвлекать меня своими вопросами о моих студенческих успехах и окружать всемерной заботой.

– Благословенна будет память о моей бабушке, Матери Моего Отца, Навеки! – провозгласил я и с новым импульсом в душе подошел к ее сыну Илизиру, дочери Марусе и невестке Риспо, тем самым возвращаясь в родную среду тех, кого бабушка родила, вскормила и воспитала.

– Омин! – повторили все.

– Дай Б-г здоровья, радостей и долгих лет жизни – всем! – прозвучало светлое благословение, и все скрепили его единым:

– ОМИН!

* * *

Шел 1981 год. Седьмое июля... Спустя тридцать дней ее душа поднялась в небесный праведный мир⁶⁸, где ныне Звездный Хизгия боготворил своего Создателя, Творца Мира: «Отец мой! Создатель мой! Б-г мой! Я бесконечно благодарю Тебя! Тысячелетия назад, в первые дни Сивана⁶⁹, Ты, Владыка Вселенной, даровал мне и Всему Миру⁷⁰ Главную Книгу жизни моей – Тору! В те же дни, но сквозь время и пространство, как это и свойственно

⁶⁸ По иудейской религиозной философии душа человека после его смерти может попасть в один из трех уровней: цадик – праведный мир; бейнони (те, в ком добро борется со злом) – мир золотой середины; и, не дай Б-г, раша – мир грешников.

⁶⁹ Сиван – месяц в еврейском календаре; 6 и 7 Сивана – дни Дарования Торы, праздник Шавуот.

⁷⁰ Так выражается представление себя как неотъемлемой части Вселенной.

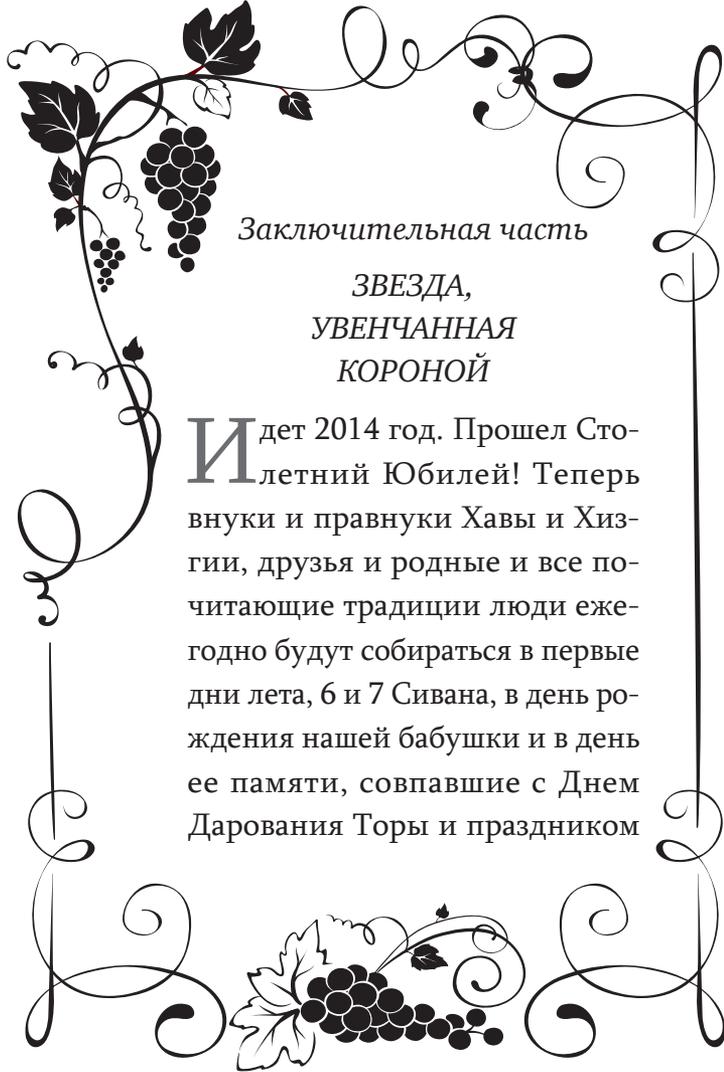
только Тебе, подарил мне и будущую спутницу сути моей – божественную Хаву! И вскоре, еще сквозь время и пространство, Ты, Владыка Мира, скрепил нас союзом Вечной Семьи! Отец наш! Ты трижды Благословил меня!.. И вот теперь и Она – Здесь...»

В этот миг, с Тройного Благословения Вс-вышнего, Звезда, владеющая именем Хизгия, и ее Вечный Спутник с именем Хаво встретились в звездном мире праведников и приобрели в нем свою бесконечность!..⁷¹

---

⁷¹ В иудейской религиозной культуре человек по совокупности добрых дел, совершенных на Земле (Мисвое Коро), приобретает в Награду в Мире Праведников Бесмертие Души.

Заключительная часть

*ЗВЕЗДА,
УВЕНЧАННАЯ
КОРОНОЙ*

Идет 2014 год. Прошел Столетний Юбилей! Теперь внуки и правнуки Хавы и Хизгии, друзья и родные и все почитающие традиции люди ежегодно будут собираться в первые дни лета, 6 и 7 Сивана, в день рождения нашей бабушки и в день ее памяти, совпавшие с Днем Дарования Торы и праздником

Шавуот, за молочной дневной трапезой⁷² и будут вспоминать праведных Хаву и Хизгию, читать вслух «Мегилат эн Хаво»⁷³ и после этого с появлением Первых Звезд⁷⁴ выходить в свои дворы или сады и искать на Звездном Небосклоне ЗВЕЗДУ, ВЛАДЕЮЩЮЮ ИМЕНЕМ ХИЗГИЯ, И ЕЕ КОРОНУ – ВЕЧНОГО СПУТНИКА, ХАВУ!

И только искренняя любовь к ним и почитание отцов наших⁷⁵ поможет нам увидеть их – вначале в наших сердцах, а потом – и на Звездном Праведном Небосклоне!..

⁷² На праздник Шавуот готовятся исключительно молочные блюда, а в нашей семье – эз рачие чией Хаво – из необыкновенных блюд Хавы. В моей памяти и жизни остался рецепт любимого молочного завтрака, приготовленного однажды бабушкой; рецепт приведен ниже, в приложении.

⁷³ «Сказание о Хаве» – второе название данного эссе, по аналогии с религиозными книгами «Мегилат Эстер» или «Мегилат Рут»; в день памяти предпочтительно читать 2-ю и 3-ю части эссе.

⁷⁴ Новый день по иудейскому календарю начинается с появлением звезд на небе; т.н. лунный календарь.

⁷⁵ ...И почитание отцов – образное выражение, говорящее об уважении ко всем своим предкам, независимо от пола.

И вот счет новому столетию наступил...
Да поможет нам Б-г в грядущие времена встречаться потомкам – в Дербенте и Москве, Петербурге и Сиднее, Нью-Йорке и Иерусалиме, везде, где Мы есть! До встречи, друзья, в Будущем году, в начале памятного лета...

* * *

Хизгия и Хава! Праведность и Чистота!
Звезда и Корона! Союз, скрепленный Б-гом!

* * *

...ХАВО!.. Полвека я невольно думаю над сокрытым смыслом этого слова...

С возрастом, на каждом отрезке моей жизни, словно кольца на срезе дерева, добавляются все новые и значимые определения самого первого женского имени на Земле. Прослеживая эту сверхтаинственную линию (иначе говоря, этимологию) значения имени Хава, я пришел, кажется, к мистическому его откровению.

Вначале, с самой библейской истории, Вс-вышний, очевидно, определил для нас

значение имени ХАВА как ЖИЗНЬ. Всем известно, что основой существования жизни является вода, то есть – АВО, что в переводе с горско-еврейского языка означает много воды, мировой океан. Как говорили мои учителя в мужском колеле, ВОДА является одним из самых значимых понятий ТОРЫ. А ТОРА – это и есть Б-г! Основная миссия Б-га на Земле – это АГАВА, в переводе с иврита – ЛЮБОВЬ – всеобъемлющая Любовь Б-га ко всему живому, к самой жизни, то есть – к ХАВО!

Взгляните, как значение слова ХАВО и его предназначение с небес таинственно переплетаются друг с другом и, независимо от его локального толкования, имеют ЕДИНЫЙ и БЕСКОНЕЧНЫЙ в своем многообразии БОЖЕСТВЕННЫЙ СМЫСЛ в неразрывной вселенской цепи:

ХАВА – ЖИЗНЬ – АВО – ТОРА – Б-Г – АГАВА – ХАВО!

ХАВО – ЖИЗНЬ – ВОДА – ТОРА – Б-Г – ЛЮБОВЬ – ЖИЗНЬ – ХАВО!

Так и жила моя бабушка в вечном круговороте любви к своим детям, к детям их детей, к окружающему миру и ко всему живому на Земле, строго оправдывая доверие самого Вс-вышнего!

Благословенна будет память о нашей бабушке навеки! Омин!

С Благодарностью к тебе, Хаво! – твои дети, внуки и грядущие поколения рода Илизиризовых!

* * *

Теперь душевные искры Хизгии и Хавы пробиваются сквозь десятилетия и доходят до ранних, как первые весенние росы, умов своих внуков и правнуков, пробуждая в них силу духа, укрепляя веру и приобщая к Вселенской Божественной Доброте!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Тридцать лет спустя после освещенных мною событий, когда мир изменился, казалось бы, до неузнаваемости, а я стал «большим и продвинутым», одно по-юношески дерзкое высказывание мое до сих пор не дает мне покоя: «Пусть Елизавета Британская гордится своей схожестью с моей бабушкой!» Так, вы помните, много лет назад я ответил одному любознательному гражданину. Сегодня я бескомпромиссно выяснил для себя: известная всем английская демократия, родившаяся пятьсот лет назад, строилась и держится до сих пор благодаря тому, что создана она была на божественных законах строительства государственного парламентаризма, основой которого служил иудейский первоисточник – ТОРА! – Вечная Книга, сохранившаяся на земле благодаря таким женщинам, хранительницам семейного очага и мира, как моя бабушка! И благодаря таким, как она, – естественно, с Благословения

Вс-вышнего, – та самая женщина, которая так похожа на мою бабушку, – Елизавета Вторая – более полувека правит британским миром; и сегодня, если и не обязана она ей лично, то, по законам Высшего королевского аристократизма, должна быть признательна самой королеве рода Илизириных (так и хочется сказать, человеческого!) – Парчое Хаво!⁷⁶

И божественно справедливо, что сегодня, в знак наивысшей благодарности моей бабушке, самая могущественная женщина планеты королева Елизавета Вторая по-матерински покровительствует своим верноподданным в Австралии, где на пятом континенте, по воле Божьей, проживают теперь внуки и правнуки Хизгии и Хавы; и среди них – с гордостью носящий имя деда наследный принц рода Илизириных ХИЗГИЯ и принцесса, носящая имя бабушки, ХАВО!

Искренне Благодарю Вс-вышнего и своих учителей за все то, чему они меня обучили.

---

⁷⁶ См. прим. 30.

ПРИЛОЖЕНИЕ

УКРОМНОЕ МЕСТО

Эта история сразу же превратилась в легенду. Когда Ф., невестка из Европы, пришла к тете Хаве со своими пожитками, чтобы та сопровождала ее на вокзал, Хава по-матерински успокоила ее и отговорила от спонтанного и недалновидного решения; а на ее эмоциональное «он все равно не исправится» бабушка уверенно заявила: «Посмотрим!» И придумала.

Случилось так. Вечером, после работы, разъяренный, как ободранный лев, племянник ворвался к своей тете Хаве и, размахивая руками, спросил:

– Где моя жена? Куда вы ее дели?..

Бабушка моя отвечала:

– Ищи там, где, ты считаешь, ее место.

После долгих и мучительных поисков, не найдя оскорбленную жену, он снова пришел к тете, на этот раз с потухшими и безнадежными глазами, теперь больше

напоминающий облезлого кота, и умоляюще попросил ее:

– Верните мне мою жену! Скажите, где она?

На этот раз бабушка спросила:

– А где ты ее искал?

– На вокзале, – ответил он.

– Почему там?

– Люди сказали.

Ты им веришь больше, чем своему сердцу, – произнесла она и, осознанно ущемляя его мужское самолюбие, задела его: – Вокзал – самое худшее место для замужней женщины: разве любящий мужчина свою жену на вокзале должен искать?!

Племянник молчал.

– На вокзале ищут, не дай Б-г, вокзальных; а твоя же сбежавшая жена – наша невестка, это – золото, порядочная женщина! Искать ее нужно не на вокзале, кук амэ⁷⁷, а среди драгоценностей, пока ее покупатели поумней не выкупили, – добавила она загадочно.

---

⁷⁷ Племянник.

– Какие еще покупатели, амэшкэ?⁷⁸ Не мучай меня больше, сил нет... Скажи, где она?

– Она там, где ей и подобает быть, – среди драгоценных изделий.

– В магазине «Счастье»⁷⁹ что ли? – пошутил племянник.

– Почти угадал, – подметила бабушка и продолжила воспитывать. – Ты обошел все, что можно было, но только не то, что надо было, потому как ревность твоя безумна и слепа. Твоя жена сейчас находится в доме, который граничит с нашей зимней кухней, в вечно запертом дворе, где живет одинокая, никогда не бывшая замужем ростовщица Лия. Если ты и дальше в своей семейной жизни будешь таким ревнивым, то и твоя жена, не дай Б-г, так же зачахнет, как драгоценные изделия этой женщины.

Измученный племянник дал слово тете Хаве, что такое больше не повторится в их семейной жизни, и тогда бабушка позвонила

⁷⁸ Тетушка.

⁷⁹ Центральный ювелирный магазин в Дербенте.

Лии, попросила впустить ревнивца, после чего он, словно заново женившись на своей любимой жене, без оглядки побежал к ней. Для такого клиента ворота на этот раз были открыты. Когда бабушкин племянник вошел в мрачную комнату ростовщицы, то увидел сидящую за ветхим столом бледную, как луна, жену свою среди изношенных старинных самоваров, ваз, часов и прочей запыленной утвари, сваленной вокруг нее.

– Забирай свою Драгоценность и впредь береги ее, – сказала хозяйка дома. – И помни слово старой ростовщицы: золото имеет свойство резко падать в цене в руках тех, кто не умеет им пользоваться по уму. Хорошая Вещь должна принадлежать одному владельцу – тогда она бесценна!

– Спасибо вам, тетя Лия, – забирая свою утерянную жену, благодарил племянник.

– Спасибо скажешь своей Истинной Тете, – двусмысленно ответила ростовщица, показывая большим пальцем правой руки за

левое плечо – в сторону бабушкиного двора. –
Это она постаралась.

Ныне в их чуть было не развалившемся по молодости семействе, с Б-жьей помощью, растут дети, внуки и правнуки. И слава Б-гу!

Гаврил Хизгияевич Илизиоров

ЭПОС

Ежедневно во время кладки лицевой стены будущей зимней кухни наблюдалась одна и та же картина: утром, когда весь двор уходил на работу, почти каждый останавливался у главной строящейся стены и, прищурив глаз по линии объекта, говорил умудренному жизнью строителю Гильоду всего две фразы: «Чуть-чуть правее» или «Чуть-чуть левее». То же самое происходило и вечером, и нередко в течение дня. Когда в конце концов дом был поднят, лицевая стена его при входе во двор заиграла волной. Но это еще не все.

Гаврил Хизгияевич работал тогда в столице и в силу своей высокой должности не так часто приезжал в Дербент, но однажды, практически при завершении работы каменщика, вернувшись в родительский дом, он увидел невероятное дело (мугуджузэ коро): пока он сам руководил большой стройкой всесоюзного значения, один из лучших его работников

построил ему маленькую зимнюю кухню с... волнистой стеной! На первые возгласы своего начальника, обладающего к тому же большим чувством юмора, добрый и картавивший Гильод сказал, разводя руками:

– Мэ чу сохум, Гэврил, бирормэ... Одомиешму – хэмэй хаят, – садсала кэрдо уво... эз сэбэхово – со груз мэрэ хуто сохтэбу чутам хунэрэ вокурдэ гэрэки. Что поделать, Гаврил, брат мой... Твои родственники, весь двор, – долгих лет жизни им! – с самого утра и весь день учили меня, как надо дом строить.

И далее старик в свое оправдание с иронией произнес ставшие уже историческими слова:

– ХЭММЭЙ ИНИЕ – ИНДЖИНЭРОИ, бирорлэймэ, Гэврил. ВСЕ ОНИ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, КРУПНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ, брат мой Гаврил.

Не оценить такого фольклора братья Илизировы, Гаврил и Илизир, конечно, не могли. После того как все они расхохотались, услужливый, но ущемленный ветеран труда все же по старой дружбе отыгрался:

– Гэврил Хизгияевич! Не могу понять только одного: имея целый двор инженеров-строителей, вы все же стали только замминистра по строительству в Южном Дагестане?! Маловато, брат, при таких-то учителях!

И друзья продолжали уже смеяться над собой.

РЕЦЕПТ

Много на Востоке замечательных блюд: и мясных, и рыбных, и овощных...

Пусть кто-то любит или ест, дай Б-г им здоровья, хинкал и дюшпарэ; пусть другой наслаждается сухим холодным вином, закусывая горячим бараньим шашлыком на косточке; да и пусть, слава Б-гу, кто-то предпочитает восточную зелень с кавказским хлебом и брынзой... Дай Б-г им всем хорошего достатка для богатого аппетита!

По мне, единственное блюдо, которое более всего подчеркивает бабушкину сущность и объединяет в себе что-то божественное своей привлекательностью и вкусом, помпезностью и аристократизмом, чистотой и свежестью, как раннее зимнее утро, – это Бабушкин Завтрак!

Попробуем его приготовить. Берем 300 граммов самого свежего домашнего творога, желательно слоистого или зерненого. Рассыпаем его на десертную тарелочку, после чего

поверх горочки заливаем густой 20-процентной сметаной в виде купола. После этого на крупной терке нарезаем лепестками твердое сливочное масло 82,5% жирности в виде воздушных золотистых перьев Жар-птицы. Все это с легкостью разбрасываем на поверхность приготавливаемого десерта в виде первых солнечных лучей, падающих на снег. Затем берем завершающий ингредиент – нет, мои дорогие, не сахарный песок и даже не пудру (было бы цинично бабушке всю жизнь прожить с сахарным диабетом и кормить внука сахаром). Следующий ингредиент – инжирное варенье с сиропом. Десерт обливается прозрачным инжирным сиропом, напоминающим балтийский янтарь на солнечном свете. И венчают десерт сами ягоды инжира, нарезанные в виде янтарных камней размером в карат. Эти поистине лакомые «кусочки рая» серпантинном разбрасываются по всему изделию, от подножия «купола» – до верха!

Десерт готов! Просим к столу!

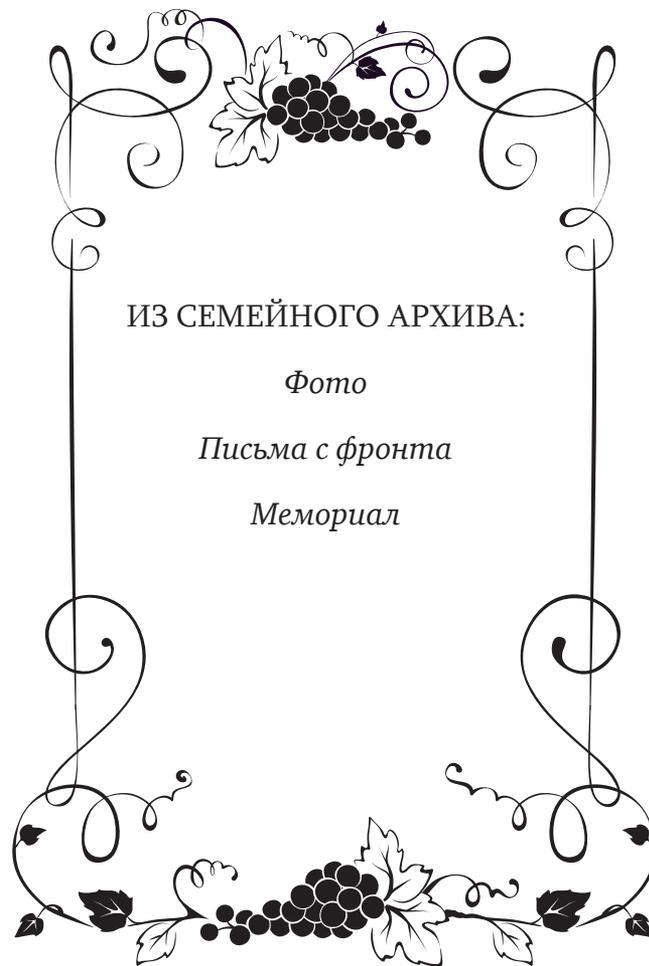
Берем десертной ложечкой изделие с несколькими золотистыми перышками, покрытыми янтарным сиропом и кусочками инжира. Одна эта картина вызывает у нас возвышенное, эстетическое настроение. А когда ты все это начинаешь вкушать, то от одного только пощелкивания инжирными семечками, напоминающими зерна небесного кориандра⁸⁰, начинаешь понимать, что на свете есть что-то большее, чем просто еда...

Но когда ты насладишься всей гармонией этого божественного яства, то поднимешься в себе! – и скажешь, изумившись: «Оказывается, Рай и на земле существует!..»

Приятного вам Десерта!

⁸⁰ Существует мнение, что «манна небесная» состояла из зерен кориандра.

Супруги Илизиры Хизгия и Хава (справа на фото).
1928 год

Илизиров Хизгия Ягудаевич,
мой дедушка

Хава Манашировна на курорте Каякент,
Дербентский район. Начало 1970-х годов

Илизирова Хава Манашировна,
моя бабушка

Илизиров Илизир Хизгияевич,
старший сын Хавы Манашировны, мой отец

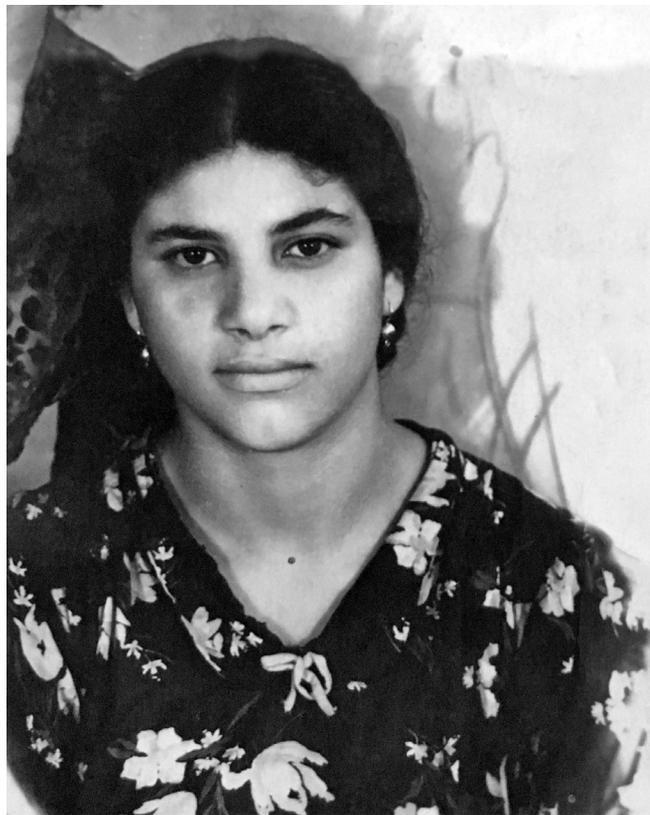
Илизиров Илизир.
Город Буйнакск, студенческие годы, 1946 год

Илизиров Илизир Хизгияевич
после Парада Победы 9 Мая.
Город Ор-Акива, Израиль, 2005 год

Илизиров Гаврил Хизгияевич,
сын Хавы Манашировны, мой дядя,
с супругой Верой

Илизирова Хая Хизгияевна,
старшая дочь Хавы Манашировны, моя тетья

Илизирова Мария Хизгияевна,
дочь Хавы Манашировны, моя тетья

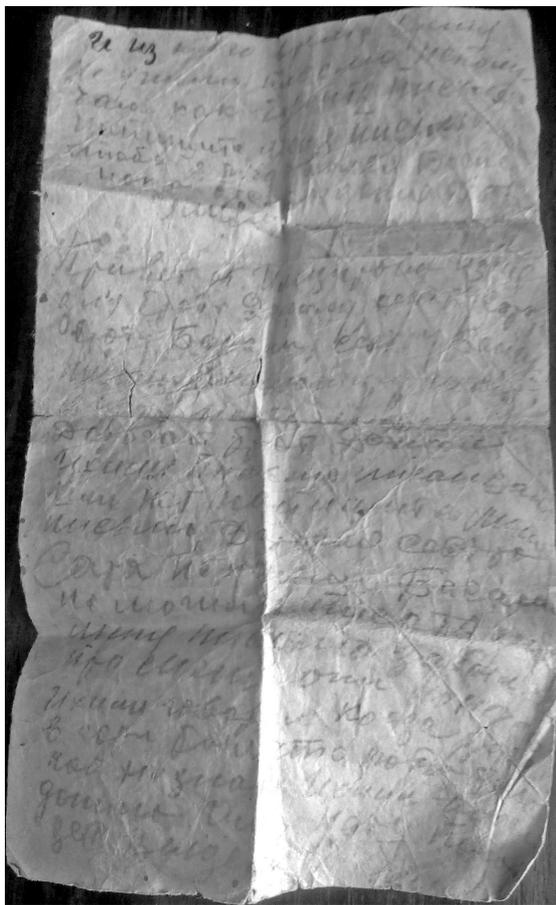

Мишиевы Мерджо и Ифраим,
мои бабушка с дедушкой по материнской линии

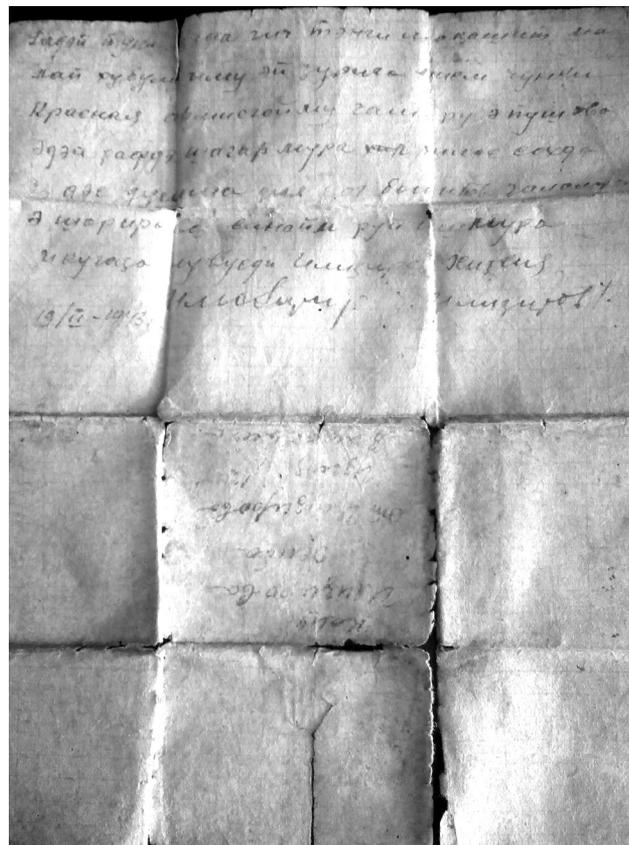

Илизирова Риспо Ифраимовна,
моя мама, в девичестве Мишиева, невестка Хавы
Манашировны, супруга ее старшего сына Илизира.
Мать-героиня. Всю свою жизнь посвятила воспитанию
благочестивых детей, их образованию и обретению
достойного места на Земле!

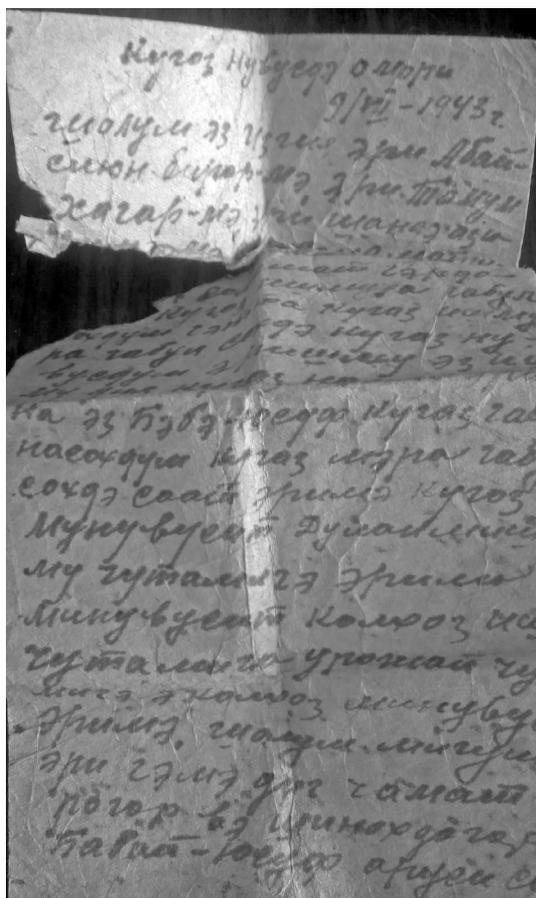

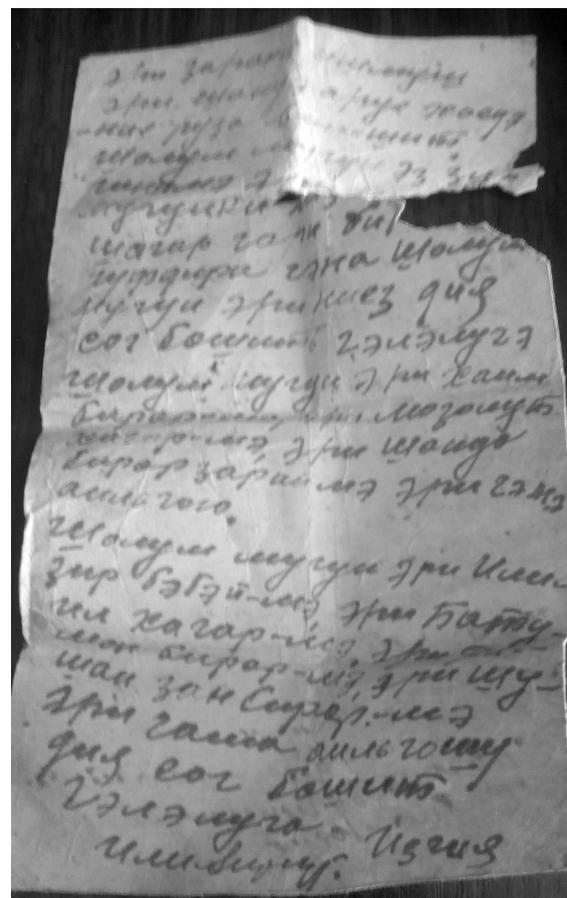
Второе письмо дедушки Хизгии от 19 февраля 1943 года.
Начало письма

Строчка из второго письма дедушки Хизгии
от 9 июля 1943 года...
... Э шорирова винойм руй энишмура
И увидит Мир вскоре радостью сияющие ваши лица...

Третье письмо дедушки Хизгии от 9 июля 1943 года.
Начало письма

Третье письмо дедушки Хизгии от 9 июля 1943 года.
Окончание письма

Украина, Запорожская область, Мелитопольский район.

При освобождении деревни Данило-Ивановка, расположенной между двумя дорогами на Восток, где находятся бескрайние тутовые поля, называемые в тех местах шелковицей, и погиб героически Хизгия, уйдя в родную ему тенистую прохладу Вечности...

На мемориале – имена погибших воинов.
Никто не забыт!

Эту работу я дарю своему старшему брату из рода Илизириных – Александру – вместе с молитвой в моем сердце о его здоровье и долголетию, на благо нашим родным и близким!

*Худо кумек гердо эриму, бирормэ!
Да поможет нам Б-г, брат мой!*

Содержание

Первая часть.....	7
Вторая часть	45
Третья часть	75
Заключительная часть. Звезда, увенчанная короной.....	105
Вместо эпилога	110
Приложение.....	112
Укромное место.....	112
Эпос.....	117
Рецепт	120
Из семейного архива: фото, письма с фронта, мемориал	123

Литературно-художественное издание

Борис Илизиров

ХАВО́

Эссе

В авторской редакции

Корректор *Н.В. Давыденко*

Компьютерная верстка *С.В. Филатов*

Художественное оформление *А. Селюк*

Фото: из семейного архива Илизировых

Подписано в печать 2.09.2019 г.

Формат 70x100/32. Усл. п. л. 5,8. Уч.-изд. л. 3,4.

Тираж 75 экз. Заказ ИВ 190846

Все пожелания и отзывы присылайте
на *E-mail: doverie56@mail.ru*

ФГУП «Издательство Дальнаука»
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7
Тел. +7 9147067252. E-mail: dalnauka@mail.ru
<http://www.dalnauka.ru>

Отпечатано в ООО «ПОЛИГРАФ–СЕРВИС–ПЛЮС»
г. Владивосток, ул. Русская, 65, корпус 10